

МАРИНА КРАМЕР

МОЖНО УБЕЖАТЬ ОТ ПРОШЛОГО,
НО ОТ СЕБЯ НЕ УБЕЖИШЬ

ТЕРАПИЯ ПАМЯТИ

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер
Терапия памяти

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Терапия памяти / М. Крамер — «Эксмо», 2021 — (Закон
сильной. Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-121492-0

Что общего у известной актрисы Регины Шелест, успешной в прошлом спортсменки Ульяны Ненашевой и хирурга Аделины Драгун? Клиника. Клиника, в которой две из них работают, а одна – проходит курс восстановления после травмы лица. Аделина ищет нового хирурга, и Ульяна кажется ей вполне перспективной, но слишком много странностей в ее поведении замечает психолог. Регина – выгодный клиент, не интересующийся стоимостью лечения, но и с ней не все в порядке. В стенах клиники становится слишком много тайн и непонятных ситуаций, которые в один момент выходят из-под контроля.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121492-0

© Крамер М., 2021
© Эксмо, 2021

Марина Крамер

Терапия памяти

Ячейка была пуста. Совершенно пуста, тут не могло быть никакой ошибки – он шарил рукой, ощупывая пальцами каждый угол, но нет, ни осязание, ни зрение его не подводили – в ячейке не было ничего. Исчезло все – брошь с бриллиантами, кулон в виде капли – редкий изумруд, серьги с сапфирами. В пересчете на денежные знаки – довольно ощутимая сумма.

Но его напугало не отсутствие драгоценностей. Вместе с ними исчезло кое-что более важное, кое-что такое, от чего в буквальном смысле зависит его жизнь. И неизвестно, в чьих руках теперь это яйцо с иглой, которую ничего не стоит сломать – и тогда... Тогда даже страшно представить, что случится и с ним, и еще с очень многими людьми.

Он обхватил руками голову и застонал. Да, нужно искать – но как сделать это, не привлекая внимания к вроде бы незначительному предмету, в котором теперь заключена его жизнь и его смерть? Как сместить акцент в сторону пропавших драгоценностей, но не выказывать того, что дело вовсе не в них?

Деньги – что такое деньги в сравнении с тем, что он может потерять? И даже поделиться ни с кем нельзя, никому нельзя рассказать.

Неужели... жена? Неужели это она?! Ведь больше ни у кого не могло быть доступа к этой ячейке.

Неужели все-таки она?!

Аделина

Ни за что не променяла бы свой город на какой-то другой.

Нет, серьезно – не могла бы просыпаться утром, зная, что на календаре начало декабря, а за окном, например, зеленые пальмы, а не гнущиеся под тяжестью снежных сугробов ветки старого тополя. Да и Новый год без снега для меня вообще не праздник. Наверное, чтобы воспринимать отсутствие снега в декабре как что-то само собой разумеющееся, нужно родиться в ином климате. А я родилась здесь, и потому сугробы в декабре для меня такая же обыденная вещь, как для кого-то морские купания в это время года.

Вот и сегодня, едва выбравшись из постели, я открыла шторы и с удовольствием посмотрела на улицу. Внизу дворник орудовал лопатой, расчищая дорожку, ведущую от подъезда к выходу со двора.

Было еще очень рано – похоже, в такое время встаем только мы с Матвеем и дворник. Ну, у дворника работа, а нам до своей еще добраться надо. Кроме того, сегодня нужно решить очень насущный вопрос с приемом на работу нового хирурга.

Я нахмурилась, вспомнив об этом.

Вчера у меня состоялся довольно неприятный разговор с мужем, и я до сих пор считала, что Матвей напрасно настаивает на своем.

Мне казалось, что мы в состоянии справиться с потоком клиентов и без привлечения новых специалистов, которым нужно будет еще и испытательный срок пройти, а два последних кандидата убедили меня, что в своем нежелании я права.

Но Матвея неожиданно поддержал и мой заместитель Васильков, что крайне меня удивило и разозлило.

Сегодня предстоит принять решение, и что-то подсказывало, что придется считаться со мнением Василькова и Мажарова.

Я оттягивала момент, как могла, находила себе десятки дел, до которых раньше не доходили руки, даже собственноручно проверила аптеку, удивив заведующую.

Однако ближе к вечеру в кабинет пришел Матвей, правда, без поддержки в лице Василькова, который почувствовал себя плохо и уехал домой чуть раньше.

Брать нового хирурга не хотелось. Я взвешивала все «за» и «против», но получалось, что без еще одного оперирующего врача нам не справиться. Клиника вышла на новый уровень, клиенты начали приезжать из других городов, и обеспечить своевременное оказание услуг имеющимся количеством врачей уже было трудновато.

– Придется брать, – со вздохом сняв очки, проговорила я.

Матвей, пивший кофе на диване, только улыбнулся. Он знал о моей нелюбви к новым людям – их все время приходится контролировать на первых порах, присматривать за ними, выяснять, соответствуют ли их навыки стандартам, которых придерживаются в клинике, и все это, разумеется, ложится на мои плечи – никогда не перекладывала это на других хирургов.

– Деля, а выхода нет, – отставив чашку на столик, сказал Мажаров. – Если мы сейчас не усилимся еще одним хирургом, после Нового года вынуждены будем отказывать в госпитализации. Ты ведь не захочешь отказаться от социальных программ, не перестанешь работать с теми, кого к нам отправляет городская больница, не прекратишь бесплатно оперировать детей? Значит, нам нужен еще один хирург, который будет делать на первых порах не самые сложные операции, а со временем перейдет и на более объемные.

Я молчала, глядя в окно.

Конец октября и ноябрь в этом году выдались снежные, дня не было, чтобы город и окрестности не заваливало сугробами. Мне приходилось оплачивать работу снегоуборочной машины, чтобы дорога до клиники, пролежавшая через лес, всегда была вычищена.

– Где Новый год будем встречать? – спросила я, оторвавшись от созерцания тихо падающих за окном хлопьев, и Матвей наверняка понял – дальнейший разговор не имеет смысла, я уже все решила, а о результате объявлю, когда окончательно утвержусь во мнении.

– А где ты хочешь?

– Твоя мама предлагала поехать на дачу.

Матвей чуть приподнял бровь:

– С чего вдруг? За то время, что мы с тобой женаты, на даче были раза два, и вдруг ты хочешь Новый год там отмечать?

– А почему нет? Ты только представь – три дня без людей, в тихом дачном поселке, где практически никого нет, можно даже телефоны отключить, – мечтательно произнесла я, забросив руки за голову и откинувшись на спинку кресла.

– Понятно, значит, выходных в нашей клинике всего три дня, – рассмеялся Матвей, – а все прогрессивное человечество отдыхает десять, между прочим.

– Ты можешь присоединиться к большинству, я ничего не имею против. Но я должна вернуться в город через три дня, чтобы иметь возможность приезжать в клинику. Надеяться на дежурантов, сам понимаешь, я не привыкла. Плановых операций не будет, но ведь это не значит, что клиенты должны остаться без врача, правда?

Матвей ничего не ответил на это, отлично зная, что спорить и возражать бесполезно.

Я всегда поступала так, как считала для себя правильным, а клинику любила как ребенка, да, по сути, она и была моим ребенком, эта клиника – капризным, вечно требующим призора, немедленно заболевающим, стоит матери отлучиться ненадолго.

Сам по натуре трудоголик, Мажаров не осуждал меня за такое рвение и фанатизм, без этого я никогда не добила бы того, что имею сейчас.

– Кандидаты-то есть? – спросил муж, имея в виду должность хирурга.

Я молча взяла со стола несколько распечатанных резюме и помахала ими.

Матвей покачал головой:

– Собеседование будешь проводить?

– Нет. Я уже определилась.

- Поделишься?
- Пока нет.
- Мажаров только рукой махнул:
- Все, собирайся, домой поедem.

Ульяна

Привыкшее за долгие годы тренировок к нагрузкам тело почти автоматически выполняло утренний комплекс упражнений.

Ульяна чувствовала, как организм просыпается, приходит в форму и готовится к новому дню, от которого многое зависит.

Наскоро приняв душ, она позавтракала соевыми проростками, залпом выпила стакан смузи из шпината и лимона и отправилась выбирать одежду.

Ульяна специально завела будильник на час раньше обычного, знала, что с выбором приличного костюма придется повозиться, потому что с вечера не успела – традиционные маминьы посиделки с яблочным пирогом, от которых нельзя было отказаться, затянулись почти до полуночи.

От съеденного пирога ее всю ночь тошнило, пришлось выпить пару таблеток, так что уснула Ульяна только под утро, но зарядка и душ привели ее в чувство.

Да, сегодня все решится, сегодня – или она опять вынуждена будет выслушивать колкости отчима.

Нахмурившись, Ульяна вошла в гардеробную, устроенную в маленькой кладовке, и принялась перебирать одежду на вешалках.

Рука привычно потянулась к брюкам, но молодая женщина одернула себя – нет, только юбка.

Да, вот эта вполне годится – строгая, чуть ниже колена, к ней можно подобрать блузку... хоть эту, с пышными рукавами и воротником-стойкой.

Оглядев себя в зеркале, Ульяна брезгливо сморщилась и потянулась за косметичкой, испытывая, однако, к ее содержимому не меньшее отвращение, чем к необходимости надевать юбку.

Через полчаса она уже шла к парковке, где стояла на прогреве темно-вишневая «Мазда» – не новая, но и не битая, как раз такая, какую она могла себе позволить, ни у кого не одалживаясь.

В машине было тепло, Ульяна расстегнула шубу, настроила радио на любимую волну и выехала с парковки.

Путь предстоял неблизкий, за город, и потом еще по лесу, но, если все получится, она, наконец, перестанет в присутствии отчима вжимать голову в плечи и стараться стать как можно незаметнее.

Преодолев настоящий КПП на въезде в клинику, куда, оказывается, попасть можно было только по спецпропуску либо по звонку из административного корпуса, Ульяна припарковала машину на гостевой парковке, как ей велел охранник, и направилась к трехэтажному белому зданию.

Дорожка к нему, как, впрочем, и все дорожки здесь, была уже расчищена и выметена, со скамеек, во множестве расположенных тут и там, тоже был сметен снег.

В холле корпуса Ульяну встретила девушка в голубом жилете и такой же юбке. На лацкане жилета болтался бейджик, и Ульяна успела прочесть надпись: «Алла Махеева, референт».

– Вы – доктор Ненашева? – спросила девушка, сверившись с каким-то листком, укрепленным на планшете, который она держала в руке.

– Да...

– Тогда давайте шубку в гардероб сдадим и пойдем, Аделина Эдуардовна вас ждет.

Вслед за Аллой Ульяна поднялась по широкой лестнице на второй этаж и оказалась в приемной. Девушка указала ей на диван и попросила минуту подождать, а сама скрылась за массивной дверью.

Ульяна присела на край, стараясь не измять юбку и в душе ругая себя за этот выбор.

«Надо было все-таки в брюках ехать... вон складки какие, выгляжу, наверное, неряхой».

Дверь кабинета открылась, в проеме показалась Алла и жестом предложила Ульяне войти.

Ненашева нервно одернула злосчастную юбку, почувствовала, как вспотели ладони, и мысленно выругалась – ну, не хватало только в обморок упасть, а еще хирург.

За столом сидела худощавая блондинка с чуть длинноватым носом и узко посаженными холодными глазами.

Она окинула замершую на пороге кабинета Ульяну быстрым оценивающим взглядом, и пригласила:

– Проходите, Ульяна Борисовна.

Ненашева сделала неловкий шаг, пошатнулась на каблуках, но быстро восстановила равновесие каким-то профессиональным движением и подошла к столу, отодвинула кресло, присела на край, радуясь, что в таком положении мятую юбку владельца клиники не увидит.

– Я просмотрела ваши документы, Ульяна Борисовна. Блестящие рекомендации... – Во взгляде Драгун Ульяна вдруг уловила легкую насмешку и выпрямилась.

– Это не имеет отношения к... – но Драгун перебила:

– Я ведь так не сказала. Я отметила блестящие рекомендации, данные вам коллегами и предыдущим начальником, а вот ему как раз я склонна доверять. Основываясь на них, я готова взять вас на испытательный срок. Но сразу предупреждаю – поблажек не будет, я ко всем врачам отношусь одинаково, независимо от того, по чьей рекомендации они сюда приходят. Мне важно только одно – соответствие стандартам, принятым в моей клинике, и четкое выполнение своих профессиональных обязанностей.

Ульяна почувствовала, что краснеет – так бывало всегда, если с ней начинали разговаривать на повышенных тонах или отчитывали.

– И еще, Ульяна Борисовна... в моей клинике действует правило – все кандидаты проходят собеседование с психологом, он у нас свой и работает как с пациентами, так и с персоналом. Без его заключения я контрактов не подписываю. Если вас все устраивает, можете оформлять документы, Алла покажет, где у нас отдел кадров, – заключила Драгун, не сводя с лица Ульяны взгляда.

– Меня все устраивает, – стараясь четко выговаривать слова, произнесла Ненашева, которую это заявление не очень порадовало.

– Тогда оформляйтесь, встретимся завтра на планерке. Пропуск на территорию вам выдадут, его желательно не оставлять без присмотра, у нас строгий пропускной режим, это делается для комфорта и безопасности клиентов – кстати, в клинике пациентами их не называют. До завтра, Ульяна Борисовна.

Ульяна пошла к двери, затылком ощущая все тот же оценивающий взгляд.

«Я совсем разучилась держать удар... вот сейчас никто не нападал, а я... нет, надо возвращаться к тренировкам, нельзя бросать, это помогает мне держаться, всегда помогло...»

Регина

Все зеркала в доме были завешены простынями, как будто здесь находился покойник.

Собственно, чем я теперь отличаюсь от него? Только тем, что еще дышу и могу передвигаться. Наверное, лучше было бы, чтобы и этого я уже не могла.

Телефонный звонок оторвал меня от тупого рассматривания солнечного пятна на стене – утро выдалось ярким, за окном блестел снег, а солнце лучами пробивалось сквозь шторы. Снег, конечно, внизу, на забранной брусчаткой дорожке, уже превратился в кашу, но крыши все еще выглядят очень привлекательно, как в сказке.

– Алло.

– Регинка, привет! – радостно сказала трубка голосом Максима Османова. – Как делишки?

«Он что – не знает? Удалось, значит, Аришке все замаять, никуда инфы не просочилась... глядишь, и отделаюсь легендой о долгосрочном отпуске».

– Нормально. Ты чего звонишь с утра пораньше?

– «Пораньше»?! Это в пятнадцать-то часов утра – пораньше тебе?! – захохотал Османов. – Вот что значит актриса в простое, даже время не дуплишь.

– Ты по делу или так, потрепаться? – перебила я, не желая выслушивать остроты, не имеющие под собой никакой почвы. Османов просто не знал, чем меня уязвить за отказ сниматься в сериале, на котором он был помощником режиссера. И не мог Макс не знать, что я только-только закончила работу, ради которой и отказалась от их предложения. «В простое»!

– Я по делу. Не могу твоей агентше дозвониться, трубку не снимает, а у меня есть сценарий, и там отличная роль для тебя. Да что там... скажу честно, только не проболтайся – роль написана под тебя, так что... ну, сама понимаешь, – многозначительно добавил он.

Мне пришлось вцепиться зубами в губу, чтобы не взвыть в голос, однако это причинило лишь дополнительную боль. Черт...

– Ты чего носом сопишь? Ну, не дозвонился я до Арины, уж прости меня, госпожа прима, пришлось тебя побеспокоить, – продолжал Максим. – Так что – посмотришь сценарий-то? Люди на тебя рассчитывают.

– Присылай, – процедила я, стараясь дышать ровно и мечтая о том моменте, когда Османов положит трубку, а я смогу, наконец, выпить таблетку обезболивающего.

– Тогда курьер подъедет...

– Пришли по электронке.

– Чего вдруг? – удивился Максим.

– Мне так удобнее, – отрезала я. – С экрана почитаю.

– Ну, как знаешь. Роль Алисы. Прочитаешь – отзовишься, скажи, что думаешь.

– Хорошо, – процедила я и сбросила звонок, схватила с тумбочки пузырек с таблетками и проглотила сразу две.

Говорить Османову, что читать его сценарий не собираюсь, я не стала. Нет, конечно, рано или поздно все всё узнают, но пока этот момент можно оттянуть, я это сделаю. Хорошо, что моя Аришка понимает и помогает мне, но ведь и она не всемогущая. Представляю заголовки желтой прессы, когда все это выплывет... Но черт с ним, с лицом – другое бы не выплыло раньше времени...

Я зажмурилась, но тут же открыла глаза – лицо мгновенно стянуло под повязкой, и острые иглы боли снова вонзились в щеку, скулу и подбородок справа. Нет, нельзя, надо расслабиться...

Обезболивающие помогали на короткое время, потом снова возвращалась боль, я металась по комнатам, то и дело подставляя перебинтованную половину лица под струю воздуха от настольного вентилятора – мне казалось, что так легче.

Ну, где же Аришка, где?! Она сегодня должна была уточнить информацию по клинике и по стоимости пребывания там...

Мне вдруг пришло в голову, что дядя Ариши может и не захотеть куда-то звонить и кого-то просить. Собственно, я-то ему кто? Да и Ариша всего лишь племянница, пусть и любимая. Люди с таким положением, как у Аришкиного дядюшки, обычно ничего не делают бескорыстно, а что ему могу предложить я? Даже в любовницы не гожусь теперь...

Звякнуло оповещение – на электронную почту что-то пришло, наверняка обещанный Османовым сценарий. Может, почитать на досуге, все равно ведь делать нечего? А зачем? Сниматься в этом сериале я не смогу, даже если съемки начнутся через полгода, а Максим ведь явно рассчитывает на более ранний срок. Зря я вообще согласилась взять этот сценарий, не стоило Макса обманывать, пусть бы искал другую актрису. Даже если роль, как он сказал, написана под меня.

Угрызения совести погнали в кухню, я даже открыла холодильник, но единственное, что меня сейчас в нем заинтересовало, был холод, мгновенно принеший облегчение лицу.

Простояв с засунутой в холодильную камеру головой минут пять, я почувствовала, что она начала кружиться – я ничего толком не ела все эти дни. Но и теперь аппетит не вернулся, я почти с отвращением оглядела содержимое холодильника и закрыла дверку.

Но где же Ариша? За три с небольшим года, что она работает у меня, я привыкла перекладывать на ее плечи все – от покупки продуктов до разговоров с журналистами, хотя, разумеется, первое в обязанности агента никак не входило.

Но у Ариши была только я, так что она легко справлялась со всеми возникавшими делами и даже не заикалась о прибавке к той зарплате, которую мы оговорили в первый день ее работы.

Ариша оказалась человеком с такой низкой самооценкой, что я порой не могла понять, как она вообще живет. Она настолько привыкла не ценить себя, что в ее присутствии я порой казалась себе неприлично богатой, известной, красивой и востребованной.

На самом деле, если бы Ариша захотела, то могла бы и выглядеть иначе, и ходить увереннее, не вжимая голову с копной кудрявых волос в плечи.

От природы блондинка, Ариша имела такие мелкие кудри, словно жила в бигуди, и от этого ее комплексы только возрастали. Если бы она приучила себя делать яркий макияж и подбирать правильную одежду, то вполне была бы миловидной и интересной.

Самое удивительное заключалось в том, что одежду для меня Ариша покупала сама и делала это безукоризненно, с тонким вкусом и изяществом составляя модные комплекты.

Что мешало ей делать то же самое и для себя, ума не приложу, хотя... она, похоже, давно считала мой гардероб своим, так что...

Но где же она, черт ее побери? Неужели мои предчувствия оправдались, и дядюшка ее отказался помочь? Что тогда делать? Что мне тогда делать?

Аделина

Звонок из Москвы раздался сразу после обеда, когда я открыла в компьютере файл с историей болезни и начала вбивать данные последнего осмотра послеоперационной клиентки.

– Аделина Эдуардовна, это вас из Минздрава беспокоят, Семенцов.

– Здравствуйте, Алексей Павлович. Чем обязана?

– Почему сразу – обязаны, Аделина Эдуардовна? Звоню узнать, как дела в вашей клинике.

– Алексей Павлович, мы же не дети. Вы звоните мне только тогда, когда вам что-то нужно. Так давайте сократим время на расшаркивания и сразу перейдем к сути вашего вопроса.

Семенцов захохотал. А мне показалось, что я вижу, как колыхнется из стороны в сторону его живот, обтянутый белой рубашкой – безобразная, надо признать, картина получилась.

– В общем, вы, конечно, правы. Мне нужна ваша помощь. Ну, не мне лично, а одному близкому мне человеку. Дело в том, что моя племянница Арина работает агентом у Регины

Шелест, – последовала многозначительная пауза, призванная, видимо, дать мне понять, какой величины звезда эта самая Шелест. – Так вот... с Региной случилась небольшая неприятность, и мне бы очень хотелось, чтобы вы помогли ей решить эту проблему. Она как раз по вашему профилю, Аделина Эдуардовна, а кроме того, у вашей клиники репутация серьезного заведения, способного обеспечить конфиденциальность. Это важно.

Ну, понятно... актриса или певица – уж не знаю, кто она там, эта Шелест, – решила поправить внешность, а делать это в столице означает неминуемо привлечь к себе внимание желтой прессы. Хотя, положила руку на сердце, кого в наше время этим удивишь? Но, раз уж у дамы есть резон оперироваться в моей клинике, что ж... как говорится, за ваши деньги любые ваши причуды.

– Положим, с этим все будет в порядке. Еще какие-то пожелания?

– Что-то вы сегодня подозрительно сговорчивы, Аделина Эдуардовна, – усмехнулся Семенцов.

– Может, потому, что не сделаю вам и вашей племяннице с ее подопечной никаких скидок?

– Так и знал! – расхохотался он, и я снова представила колыхание жировых складок на его брюхе. С его деньгами мог бы, кстати, и на липосакцию ко мне попроситься, раз уж не хватает силы воли заниматься спортом... – Ну, так я могу передать Арине, что вы согласны и примете ее актрису?

– Да. Прайс я пришлю вам сегодня вечером.

– Оперировать, разумеется, будете сами? – с нажимом уточнил Семенцов.

– Все будет зависеть от объема вмешательства. Я решу вопрос об оперирующем хирурге после осмотра, – тоном, не предполагавшим дальнейших споров, заявила я, и Семенцов вздохнул.

– Ничего-то не меняется в этой жизни, в том числе и ваш крутой нрав, Аделина Эдуардовна.

– Так, может, это и хорошо? Всегда знаете, чего от меня ожидать, Алексей Павлович.

Семенцов снова расхохотался, задал еще пару ничего не значащих вопросов и попрощался.

Я же, положив трубку, долго чувствовала во рту привкус сала, которое не ем.

Матвей пришел к концу рабочего дня, принес две чашки кофе.

– Ты закончила?

– Протокол операции проверяю.

– Своей?

– Нет, Авдеева.

– Проблемы?

– Никаких. Ты ведь знаешь, я читаю протоколы всех операций.

– Даже моих? – рассмеялся муж, поставив свою чашку на столик перед диваном, а мою – слева от компьютера на стол.

– А ты исключение?

Матвей обошел меня, положил руки сзади на плечи и поцеловал в макушку.

– Разумеется. Я лучший хирург в твоей клинике, исключая, конечно же, тебя саму.

– Не шути так, Мажаров. Никогда не думала, что тебе так нравятся комплименты, – прижавшись к его руке щекой, пробормотала я.

– Мужа, дорогая моя, нужно чаще хвалить. Ничто так не укрепляет мужскую уверенность, как похвалы от любимой женщины. Пей кофе, пока горячий, и заканчивай. Я пока на диванчике покайфую, очень уж он у тебя удобный. – Матвей еще раз чмокнул меня в макушку и вернулся на диван, раскинувшись там в расслабленной позе.

Я дочитала протокол, пробежала взглядом послеоперационные назначения и закрыла файл с историей.

Все, можно ехать домой. Только вот кофе, действительно, допью, а то в сон клонит.

Закурив сигарету, я потянула к себе чашку и произнесла, глядя в окно:

– Я взяла ее на испытательный срок.

– Ее? Кого – ее? – не понял муж.

– Нового хирурга. Ульяна Борисовна Ненашева, тридцать лет, не замужем. Работала в частной клинике, училась на курсах повышения квалификации в Москве. Первая категория. Бывший начальник дал блестящую характеристику, отзывается с придыханием, очень жалеет, что она от него ушла. Между прочим, считает, что это я ее сюда переманила, – стряхнув столбик пепла в пепельницу, сказала я. – По виду – странная, какая-то забитая, что ли... хотя фигура хорошая, спортивная, да и лицо приятное. Завтра посмотрю, что из себя в работе представляет, хочу дать ей клиентку из третьей, там ринопластика.

– Ну, посмотрим, посмотрим... Ты всегда неохотно берешь новых людей, так что скепсис твой мне вполне понятен. Но дать шанс надо, вдруг она нам подойдет? И нагрузка на врачей уменьшится, а то мы скоро превратимся в конвейер, а это плохо, сама ведь понимаешь, – Матвей допил кофе, отставил чашку. – Деля... у меня такое ощущение, что ты чем-то озабочена, и это не прием в клинику нового хирурга.

Я вздохнула. Мажаров удивительно умел поймать мое настроение и мгновенно вычислял, когда что-то случалось. Возможно, мои эмоции отражались на лице, хотя прежде никто мне об этом не говорил, я хорошо умею держать себя в руках. Возраст, что ли?

– Был звонок из Москвы. А ты же знаешь, как я не люблю этих «позвоночных», от них почти всегда какие-то проблемы.

– Кто на сей раз?

– Какая-то актриса или певица, судя по тону – известная.

– Ну, ты у нас не киноманка и музыку предпочитаешь классическую, потому ни фамилий, ни лиц не знаешь, а вот подруга твоя наверняка в курсе, можно поинтересоваться, что за птица к нам летит... – Матвей рассмеялся, заметив, как скривилось мое лицо – эти эмоции удерживать в себе я не собиралась.

Моя подруга Оксана Владыкина много лет пыталась хоть бочком протиснуться в мир богемы и киноискусства, но выходило это криво и косо, то есть – никак. Она крутила роман с режиссером Колпаковым, правда, романом это назвать было сложно – Колпаков незатейливо использовал Оксанку, умудряясь даже не заплатить ей за работу, а она написала для него несколько сценариев и при этом даже имени ее в титрах не было.

Я бы уже после первого такого случая мгновенно стерла имя Колпакова из своей памяти, но Оксанка всегда находила ему нелепые, но, по ее мнению, убедительные оправдания. Когда же Колпаков, пообещав жениться на Владыкиной, повел в ЗАГС какую-то актрису, я понадеялась, что наконец-то моя подруга откроет глаза и увидит, какое на самом деле дерьмо этот ее Арсик, но нет! Оксанка проревела неделю, а, стоило Колпакову сунуться к ней с новой просьбой, мгновенно вытерла слезы и засела за очередной сценарий.

После этого я перестала с ней общаться – ну, не понимаю, когда люди позволяют так с собой обращаться, не могу дружить с тем, кто сам себя не уважает. И вот сейчас Матвей предлагал мне обратиться к ней за помощью.

– Меня, знаешь ли, в интернете не забанили, сама найду.

– Ну, не сердись, я просто пошутил. Какая, в сущности, разница, насколько она знаменита, эта актриса или певица, если ей вдруг потребовалась коррекция внешности, правда?

– А я не сказала, что там коррекция, я вообще не знаю, в чем там дело. – Я прижала окурок в пепельнице и встала, расстегивая халат.

Матвей посмотрел на меня с недоумением.

- Ты хочешь сказать, что не поинтересовалась, в чем дело?
 - Матвей... ты не хуже моего знаешь, что, когда с просьбой звонят из министерства, лишних вопросов задавать не стоит.
 - В клинике все в порядке, чего тебе бояться? Проверок? Мы к ним всегда готовы.
 - Матвей, если будет нужно, везде найдут нарушения. Рисковать делом, в которое вложила все, я не хочу, потому не задаю вопросов.
 - Влетишь ты когда-нибудь со своими министерскими друзьями, – вздохнул муж, вставая с дивана.
 - Давай не будем об этом, – попросила я. – Поедем лучше в ресторан, а? Настроение гульнуть.
- Мажаров только головой покачал.

Ульяна

Домой она возвращалась в приподнятом настроении, хоть и чувствовала, что владелице клиники не очень понравилась.

«Ничего, я не за любовью туда иду, – думала она, выезжая за шлагбаум на дорогу. – Мне бы только испытательный срок пройти, а уж работы я не боюсь, да и в навыках своих уверена. Наконец-то смогу делать то, чему столько лет училась. А то, что не нравлюсь Драгун – да какая разница... Говорят, она людей только по уровню владения скальпелем различает».

Неожиданно для себя она вдруг подумала, что дорога, ведущая в клинику, не такая уж мрачная, как показалось ей утром, хоть и проходит через лес.

«Вон деревья какие красивые – как в шубах... и тихо здесь, машин мало совсем, а летом, наверное, вообще прелесть – припарковался на обочине – и гуляй себе, пока не надоест. Хорошее место... и клиника хорошая. Ничего, мне бы только испытательный срок пройти, – снова подумала Ульяна, чувствуя, как ее совсем отпустило утреннее волнение. – Надо, пожалуй, в поселок заехать, там кафе прямо на въезде, неплохо бы чашку кофе, а то тошнит».

Тошнота всегда накатывала после сильного нервного напряжения – так было после соревнований, например, после контрольных в школе или экзаменов в институте.

Невролог обещал, что с возрастом пройдет, но нет, не прошло. Стоило перенапрячься, и тошнота скручивала весь организм в пружину; помогал, как ни странно, только крепкий кофе без сахара. Обычно Ульяна возила с собой термос, но сегодня утром в спешке забыла его на столе.

Тошнота становилась невыносимой, пришлось прибавить скорости, к счастью, дорога была свободна.

У кафе Ульяна припарковалась и почти на ватных ногах вышла из машины. Вцепившись пальцами в барную стойку, она заказала двойной кофе и кое-как добралась до ближайшего столика.

В голове шумело, сердце колотилось уже где-то в горле.

«Черт тебя подери, идиотка... как можно было вообще выйти из дома без термоса?»

Наконец официантка поставила перед ней большую белую чашку, и Ульяна, обхватив ее двумя руками и даже не замечая, что обжигается, сделала глоток.

Горячий кофе побежал по пищеводу, упал обжигающим угольком в желудок, но тошнить стало меньше.

Зато в голове тут же зазвучал мужской голос: «А все потому, что ты стала преступно мало внимания уделять тренировкам. Нельзя быть хорошей, когда можно быть лучшей. Ты не должна «не проигрывать», ты обязана всегда побеждать, потому что у тебя есть для этого все данные. И в спорте, и в работе. Хорошо, сейчас ты уже не принимаешь участия в соревнованиях, но не приходите в зал неделями нельзя. Ты должна соблюдать режим, должна трениро-

ваться и поддерживать тело в правильной форме. Как, собственно, и голову. Поэтому допивай свой кофе, садись в машину и марш домой. Собери сумку и поезжай в спортзал, у тебя еще много времени до завтра. Потрать его с пользой».

Ульяна зажала руками уши, словно это могло заставить голос в голове замолчать, хотя и знала – не поможет. Нужно допить кофе, сесть в машину и ехать, только так этот голос замолчит.

По дороге Ненашева прокручивала разговор с владелицей клиники и никак не могла понять, какой момент ее царапнул – тошнота спутала все мысли, но Ульяна четко помнила свою реакцию на какую-то фразу Драгун.

«Да, точно... психолог же! Беседы с психологом, который дает заключение. Вот это, конечно, довольно неприятно, именно на этом моменте мне стало не по себе. Хотя... я видела этих психологов... армию психологов, и что? Ничего. Любому человеку можно сказать то, что он хочет услышать, главное, понять, что это».

В держателе на панели зазвонил телефон, Ульяна нажала кнопку громкой связи:

– Да, мама, я тебя слушаю.

– Ульяша, ты где?

– Еду домой с собеседования.

– И... как прошло? – настороженно поинтересовалась мать.

– Замечательно прошло, мам. Меня взяли на испытательный срок, завтра приступаю.

Клиника просто супер, о таком месте работы только мечтать.

– А... ты сказала, кто ты?

– А кто я, мам? Я Ульяна Ненашева, хирург-пластик. Это и сказала.

– Ой, делай, как хочешь, ты ведь все равно меня не слушаешь. К нам заедешь?

– Да я же вчера у вас была, мам. Хотела в зал еще успеть сегодня, не была давно.

– Ну, как хочешь. А... спасибо сказать сама позвонишь?

– Лучше ты, – смалодушничала Ульяна. – Скажи, что я сегодня буду занята в зале до самого вечера, не до звонков.

– Хорошо, скажу.

Сбросив звонок, Ульяна вдруг заметила, как подрагивают пальцы левой руки на руле.

– Ну, этого только не хватало! – разозлилась она и крепко сжала оплетку, так, что побелели костяшки. Расслабила кисть, убрала руку с руля, растопырила пальцы – нет, все в порядке, дрожь пропала. – Показалось, что ли? Ладно, все, берем себя в руки, хватит. У меня нет поводов нервничать, все хорошо...

Регина

День тянулся невыносимо медленно, как будто время превратилось в прилипшую к подошве ботинка жвачку, и она никак не отлепляется, а только делается все длиннее и тоньше.

Я включила телевизор, но сразу наткнулась на интервью с Ленкой Красильниковой, моей зачатой подругой еще со времен ВГИКа, и палец автоматически нажал кнопку «выключить». Правда, визгливый голосок Красильниковой еще пару минут звучал в ушах, причиняя почти физическую боль.

Многие сказали бы, что это зависть. Нет, это не была зависть, да и чему там особенно завидовать? Ролей у меня было больше, поклонников тоже хватало, зарабатывала я несравнимо с ней – а что еще? Муж? Да ни за что я не обменяла бы свою свободу на такого, как ее Петечка, – толстый потеющий боров в вечно лопающихся по швам костюмах. Ну да – работает где-то в Мосгордуме, ну и что? Уже одно то, как он натужно сопит при ходьбе и постоянно вытирает скомканными платками лоб и бычьей шеей, навсегда объяснило мне, что физическая привле-

кательность мужчины для меня куда важнее его финансовых и остальных возможностей. Так что чему уж там завидовать у Ленки...

Саднило лицо, хотелось вцепиться ногтями в щеку и драть ее до тех пор, пока не покажется скуловая кость – может, тогда этот отвратительный, выматывающий зуд оставит меня хоть на минуту.

Таблетки уже не действовали, но временно помогал лед, и я поплелась в кухню, достала из морозильной камеры пакет и прижала к лицу.

Сперва стало очень больно, но потом потихоньку замерзающая кожа перестала чувствовать и откликаться болью.

Свернувшись калачиком в большом кресле у камина, я попыталась задремать. Это почти удалось, я уже начала даже видеть какой-то сон, когда в прихожей раздался звук проворачиваемого в замке ключа, а потом голос Ариши:

– Регинка, я все устроила!

– Черт тебя побери... – пробормотала я и с трудом выбралась из кресла.

Бессонница последних дней выматывала физически, подкашивались ноги, меня шатало, но спать ночами я все-таки не могла. Стоило закрыть глаза – начинались кошмары, от которых хотелось выпрыгнуть в окно.

– Ты где? – уже шлепая задниками тапочек по коридору, вопрошала Ариша, попутно открывая все попадавшиеся на пути двери.

– Да здесь я, что ты так орешь-то? – Я вышла из каминной, по-прежнему прижимая к щеке уже растаявший пакет.

– Болит? – сочувственно справилась мой агент, по-хозяйски отодвигая меня со своего пути и устремляясь в кухню.

– А ты как думаешь? – проскрежетала я, направляясь следом.

Ариша всегда чувствовала себя в моем доме как в собственном, буквально с первого дня, как стала моим агентом.

Такое впечатление, что мой дом, моя машина, мои вещи – все автоматически приравнивалось к моим делам, которые она вела, к интервью, которые организовывала. Всем этим Ариша распорядилась по своему усмотрению и абсолютно не задумываясь о том, нравится ли это мне.

Порой мне ужасно хотелось поставить эту излишне простую девицу на место – на то, которое она и должна бы занимать по роду своей деятельности, но я в последний момент вспоминала, что Аришу вырастил дядя – один, даже без жены, что она не получила в детстве той заботы и ласки, что достаются девочкам от матерей, что ей, в общем-то, никто не прививал какие-то тонкие вещи, вроде правил поведения и общения с людьми. Это меня останавливало, а Ариша продолжала залезать в мою гардеробную и выбирать там вещи, чтобы отправиться на деловую встречу – благо рост и комплекция у нас были одинаковыми. Да и покупала она эти вещи сама, чего уж... Для человека с низкой самооценкой моя агент порой бывала довольно беспардонной.

Вот и сейчас Ариша без смущения открыла холодильник, залезла в шкаф и вынула упаковку кофейных капсул, зарядила кофемашину, отрезала кусок ветчины и закинула его в рот, как голодная чайка – только что выловленную рыбу.

Стараясь не раздражаться, я сунула в морозильную камеру ставший теплым и бесполезным пакет, оторвала кусок бумажного полотенца и приложила к намочшей повязке.

– Не трогай! – тут же вклинилась Ариша. – Надо сменить, а то загноится. И вообще – давай-ка вещи соберем, я билеты уже купила, вылетаем ночью.

Большие часы в простенке между окон показывали половину седьмого, значит, времени на сборы не так уж много.

– Куда мы летим?

– В клинику. Дядя договорился, все будет в порядке. Там никто вопросов не задаст, лежать будешь в отдельной палате, сделают все в лучшем виде – по его словам, там какая-то богиня от пластической хирургии работает, может из дерьма конфетку собрать.

– Ну, спасибо вам, Арина Витальевна! – иронично бросила я. – Вот, значит, что вы о моей внешности на самом деле думаете!

– Ой, Регинка... – прикрыв ладошкой рот, испуганно проговорила Ариша. – Ну, я же не то... ну, в смысле... она любое уродство... ой!

– Все, умолкни, я тебя умоляю! Вари тут кофе, ешь-пей, а я пойду чемодан поищу.

Оставив растерявшуюся Аришу в кухне, я ушла в другой конец дома, где в большой кладовке хранились мои чемоданы – целая коллекция на все случаи жизни. Осталось только решить, какой из них на случай поездки в клинику пластической хирургии...

Подумав, что вряд ли мне понадобятся вечерние платья и туфли, а также деловые костюмы и строгие блузки, я поняла, что могу, наконец, позволить себе не быть «звездой». И это значит – здравствуйте, удобные толстовки, джинсы и спортивные брюки, здравствуйте, кроссовки и спортивные ботинки – все то, что я так редко могу позволить себе носить в повседневной жизни. Вернее, то, что не позволяет мне носить Ариша, считающая, что я всегда должна быть элегантной, безупречной и выверенно-стильной. Черт бы ее побрал...

Ариша пришла с бутербродом и чашкой кофе, плюхнулась в кресло в гардеробной и заглянула в разложенный на полу чемодан:

– Много не набирай, там ходить-то некуда, клиника в лесу, до поселка несколько километров по лесной дороге.

– Там холодно?

– Холоднее, чем в Москве, и снег уже лежит. Угги есть какие-нибудь?

– А ботинки чем плохи?

– Они у тебя еврозима, а там зима настоящая.

– Нет у меня ничего больше.

Ариша, засунув в рот последний кусок бутерброда, посмотрела на часы.

– Успею еще. Ты собирайся, а я в торговый центр метнусь, куплю тебе угги.

– Как хочешь, – мне не терпелось избавиться от нее хоть на час, так что я готова была согласиться на покупку вещи, необходимости в которой не видела. Но хоть одна побуду...

Ариша умчалась, оставив полупустую кофейную чашку на подлокотнике кресла. Вечно после нее в доме бардак...

Интересно, а она что, собирается остаться в клинике со мной? Это как раз то, без чего я бы с удовольствием обошлась. Надеюсь, у нее не хватило фантазии на то, чтобы забронировать палату еще и себе...

Ариша с коробкой вернулась в тот момент, когда я, упаковав в чемодан все необходимое, снова сидела в каминной с пакетом льда у щеки.

– Повязку все равно придется менять, Регинка... – она вывалила серебристые угги из коробки на пол у моих ног. – Примерь, должны подойти.

– Почему ты никогда не спрашиваешь, нравится ли мне, подходит ли, такие ли я хотела?

Ариша, усевшись на пол, растерянно захлопала глазами.

– В каком смысле?

– Да в прямом! Ты решаешь за меня, что я буду носить, какой пить кофе, в каких ресторанах ужинать. Тебе не кажется, что это перебор? А тебе просто повезло, что я тебя жалею, а? Любая другая уже послала бы тебя так далеко, что ты до сих пор еще в пути была бы, а я терплю.

– Терпишь...? – голос Ариши дрогнул, в нем слышались слезы. – Я мешаю тебе жить? Что я делаю не так, Регинка? Ну, я ведь все для тебя, все, чтобы тебе... – она закрыла руками лицо и заплакала навзрыд, и я вдруг почувствовала угрызения совести.

Похоже, Ариша действительно искренне считала, что облегчает мне жизнь своими поступками. Наверное, ей, выросшей без родителей, такое проявление заботы казалось нормальным и естественным – раз она мой агент, то берет на себя все стороны моей жизни, в том числе и бытовую. Проблема в том, что я не нуждаюсь в такой опеке, от кого бы она ни исходила. Но как донести это до Ариши в деликатной форме, я за все это время так и не придумала.

– Ладно... извини, я погорячилась, – почувствовав себя виноватой, пробормотала я, дотягиваясь ногой до валявшейся на ковре обновки. – Ариша... ну, прекрати ты рыдать, никто ж не умер. Смотри, они мне прямо по ноге сели. Ну, посмотри же...

Ариша чуть раздвинула пальцы, но руки от лица не убрала, по ним текли слезы, закатываясь в рукава модного свитера.

– Ну вот... – глухо произнесла она, – теперь не замерзнешь, там, говорят, можно гулять, если противопоказаний нет...

– Спасибо, – я постаралась вложить в это слово хоть немного благодарности, чтобы как-то загладить свою вину за резкие высказывания. Бедная девочка старается, а я во всем вижу только корысть и злой умысел. – Ты ведь со мной полетишь?

Ариша, наконец, вытерла мокрые глаза и, почти совсем уже успокоившись, сказала:

– Да, я тебя устрою в клинику и вернусь в Москву, надо здесь как-то руку на пульсе держать...

«Слава богу, – пронеслось у меня в голове. – Не придется терпеть ее еще и там».

– Постарайся, чтобы никто ни о чем не узнал, хорошо?

– Будет сложно так долго водить всех за нос... рано или поздно начнут выяснять, где ты, что ты...

– Ну, тогда и придумаем что-нибудь.

– Думать надо уже сейчас, заранее, чтобы потом враспloch не застали, – возразила моя умная агент. – Мы должны придерживаться одной версии, чтобы никто не смог докопаться.

– Слушай, ну, могла же я поехать, например, на лыжах кататься и ногу сломать?

– А от интервью почему отказываешься?

– Не хочу, чтобы меня видели беспомощной.

– Регинка... – Ариша укоризненно покачала головой. – Глупо же...

– Вот у тебя и будет время, чтобы что-то более умное придумать. А мне и без этого хватает проблем. Все, давай перевязку сделаем, скоро выезжать.

– Ты парик выбрала?

– Ой, да любой возьму – какая разница?

Аделина

Как Матвей умудряется вставать в пять утра и чувствовать себя бодрым и отдохнувшим?

Этот вопрос не давал мне покоя с того самого дня, когда мы стали жить вместе. Для меня утренние подъемы – пытка, и только по утрам я жалею, что моя клиника расположена далеко за городом, потому что это вынуждает меня вставать в такую рань и выходить из дома затемно.

А Мажаров умудрялся еще и завтрак приготовить, и зарядку сделать – на такие подвиги у меня никогда не хватало энергии. В последнее время я даже за руль почти не садилась, мы ездили в клинику на машине Матвея, исключая те дни, когда он читал лекции в медицинском институте.

Сегодня меня разбудил запах блинчиков, которые у мужа всегда получались изумительно вкусными.

День определенно обещал стать удачным...

– Сегодня явится эта протезе министерская, – сказала я, уже сидя за завтраком.

Матвей просматривал новости и, казалось, не слышал моей реплики, однако я знала, что это не так.

– Терпеть не могу этих «позвоночных», от них всегда какие-то неприятности, – продолжила я жаловаться на судьбу, попутно намазывая блинчик вареньем.

– Деля, ты всякий раз так говоришь, но почему-то еще никому не отказала, – заметил муж, не отрывая взгляда от экрана планшета.

– Почему же – не отказала? Отказывала... просто Семенцов не тот человек, кто воспримет отказ адекватно. Такие обычно мелочные, начнет проверки присылать... мы ведь говорили об этом.

– Чего нам бояться? В клинике все в порядке.

– Если захотеть, нарушения можно найти даже в вакууме. Ладно, не забивай себе голову, это я так... побрызгать с утра. Очень вкусные, кстати, блинчики, – доедая последний кусочек, сказала я. – Повезло мне с тобой.

Матвей отодвинул планшет и взял чашку с остатками кофе.

– Такое впечатление, что тебе от меня что-то нужно.

– Разумеется. Поскольку сегодня у меня еще и новый хирург первый день на испытательном сроке, то мне без тебя не обойтись. Посмотри протезе Семенцова.

– Деля! – расхохотался муж. – Это, в конце концов, просто неприлично! Он договаривался с тобой.

– Не вижу проблемы, если клиентку осмотрит лучший хирург моей клиники.

– Ладно-ладно, я ее посмотрю, но с условием. Ты будешь присутствовать, вот так. – Матвей допил кофе и встал: – Все, собирайся, пора ехать.

Это было, конечно, не совсем то, чего я хотела, но все-таки лучше, чем совсем ничего...

На планерке я присматривалась к Ненашевой. Она выглядела спокойной, уверенной, только слегка бледной – видимо, волновалась, но это по-человечески понятно, все-таки первый день, новый коллектив.

Однако мне никогда не нравились хирурги, которые не владели собой в мелочах. Никакие личные драмы, волнения, неприятности не должны вноситься в стены клиники, а тем более – в операционные. Здесь мы все – врачи, и на первом месте у нас здоровье людей, а свои проблемы – это за шлагбаумом.

После планерки Ненашева двинулась вместе со всеми в ординаторскую, а я, просмотрев план операций, записала себе в ежедневник время, на которое назначена первая операция нового хирурга.

Смотреть я решила с купола, чтобы не отвлекать Ненашеву своим присутствием – никто не любит, когда им дышат в затылок, а особенно, когда это делает владелица клиники, да еще в первый рабочий день. Я и сверху отлично увижу, как она будет работать.

Своих операций у меня сегодня не было, зато была кипа бумаг, требования на медикаменты, смета по кухонному блоку и смета на предстоявший летом косметический ремонт холла административного корпуса. Не самая любимая мной работа, но никто, кроме меня, этим, конечно, заниматься не будет.

Еще и дядя Слава Васильков взял пару недель без содержания... Мой заместитель теперь сам не оперировал, зато брал на себя часть административной работы, но последние пару месяцев он вдруг начал жаловаться на сердце, и я буквально силой отправила его в отпуск.

Стало ощутимо сложнее, но ведь раньше я как-то справлялась – или клиентов было меньше?

Закопавшись в цифрах, я едва не пропустила момент, когда нужно было идти на купол.

Сменив туфли на каблук на балетки, я заперла кабинет и пошла в лечебный корпус.

Операция еще не началась, но анестезиолог уже колдовал над клиенткой, закрепляя катетер в локтевой вене. Ненашева вошла в операционную, держа перед собой согнутые руки. Ей подали халат, натянули перчатки, она сжала кисти в замок и встала у окна, наблюдая за манипуляциями анестезиолога.

Даже сверху мне было видно, что она абсолютно спокойна и выглядит уверенной. Это мне понравилось и почему-то напомнило первую операцию Матвея в моей клинике. Тот тоже был спокоен и уверен в себе, а в его движениях была та легкость и четкость, которая отличает гениального хирурга от просто хорошего.

Похоже, Ненашева тоже будет неплоха.

Когда она заняла свое место и протянула руку за скальпелем, я вдруг подумала, что не посмотрела разметку, которую Ненашева делала перед операцией сама.

«Старею, – пробурчала я про себя. – Никогда раньше такого себе не позволяла».

Но, если судить по тому, что происходило внизу, новый хирург свое дело знала – работала быстро, четко и аккуратно. По тому, как расслабленно сидит на табуретке анестезиолог, можно было сделать вывод, что у них все под контролем, все хорошо. Наконец Ненашева наложила послеоперационный гипсовый бандаж на лицо клиентки, закрепила его и сделала аплодирующий жест ладонями – операция закончилась.

Я спустилась на этаж ниже и вошла в операционный блок. Навстречу мне попались медсестры с каталкой, на которой лежала прооперированная клиентка.

Я остановилась и внимательно осмотрела бандаж – он был хорошо наложен, но о результатах можно будет судить только спустя время.

Ненашева размышлялась в предоперационной, делала это так тщательно, словно мылась на операцию, а не наоборот.

– Поздравляю с первой операцией в нашей клинике, Ульяна Борисовна, – сказала я, и она от неожиданности вздрогнула.

– Извините, я задумалась... спасибо, – вялым голосом отозвалась она.

– Прокручивали ход операции в голове?

– Да...

– Я тоже всегда так делаю. У вас хорошая техника.

– Спасибо... – и снова этот вялый голос, неужели так устала? Операция-то не такая сложная. – Мне сказали, что вы сами определите, каких клиентов я буду вести.

– Да, все верно. У нас принято, что врачи ведут тех, кого оперируют, и оперируют тех, кого ведут, мы редко отдаем клиентов, только в случае крайней необходимости – либо если вдруг что-то в лечении идет не по плану. Так что уже сегодня сможете планировать операции на следующие дни. И еще. Я привыкла, что к обходу врачи уже имеют свежие данные анализов и осмотров, так что смотреть своих клиентов вам придется сразу, как только приходите на работу.

– Я это поняла.

Ненашева уже закончила мыться и теперь комкала в руках полотенце.

– Как вас коллеги приняли? Все нормально?

– Да...

– Тогда идемте в административный корпус, я передам вам истории. Вы курите, Ульяна Борисовна?

– Что? А, нет-нет, я не курю, – выбросив, наконец, полотенце в корзину, поспешно ответила она.

– Я это не к тому, что считаю подобную привычку неприемлемой – сама курю.

– Нет, у меня нет вредных привычек, – каким-то ученическим тоном сказала Ненашева. – Я веду здоровый образ жизни, занимаюсь спортом.

– Спортom? Каким?

– Фехтованием. У меня первый взрослый разряд, я чемпионка области и серебряный призер первенства страны.

«Надо же... а нервы у тебя гуляют, вон и сейчас побледнела, на щеках румянец, как с мороза. Странно для спортсменки».

– С вами все в порядке, Ульяна Борисовна?

– Да... со мной все в порядке. – Сказав это, она выпрямилась, подняла подбородок и предложила: – Я готова, можем идти. – И у меня возникло ощущение, что идти она никуда не хочет, а делает это потому, что так надо.

Всю дорогу по длинному подземному переходу до административного корпуса я пыталась понять, почему меня нервирует эта девица. В ней не было ничего отталкивающего, наоборот – мягкая, почти неприметная внешность, светло-русые волосы, аккуратная короткая стрижка, плавные движения, негромкий голос. А я иду рядом с ней и буквально ощущаю, как во мне что-то переворачивается, а внутренний голос говорит: «Не верь ей, она не та, кем хочет казаться».

– Ульяна Борисовна, а вы уже переговорили с Иваном Владимировичем? – спросила я, когда мы уже подошли к лестнице, ведущей в корпус.

– С кем?

– С психологом.

– А... нет, пока не успела, знаете, как-то не было времени, я сразу историю взяла, пока все просмотрела, пока прикинула план... – И снова мне показалось, что она будто оправдывается, нагромождает словесную кучу, чтобы за ней скрыть явное нежелание идти на разговор к Иващенко.

– Ну, вот как раз сейчас у него перерыв, – бросив взгляд на часы, сказала я, – он наверняка пьет кофе в ординаторской, так что сможете договориться о времени посещения.

– Да... конечно, – без особого энтузиазма согласилась Ненашева.

Передав ей истории тех клиентов, которыми она будет заниматься, я вдруг вспомнила, что время уже обеденное, а Матвей так и не позвонил. В ординаторской его тоже не было.

– Кто видел Мажарова? – спросила я, обращаясь к врачам, и Филипп Басалаев откликнулся:

– Он вроде в приемное ушел.

– Что же мне не позвонил? А не сказал, что там?

– Кого-то привезли из городской.

Это была нормальная практика – городская больница часто отправляла к нам своих пациентов, кому требовалась пластика, потому не было ничего удивительного в том, что Матвей, дежуривший сегодня по приемному отделению, ушел туда не отзвонившись.

Но где же эта семенцовская протезе? Черт бы подрал этих «позвоночных», ведь назначили же время...

Сейчас разозлюсь и отошлю ее, пусть в Москве клинику ищет.

Ульяна

Руки тряслись, колени подгибались, по спине сбегали струйки пота – именно так она чувствовала себя, когда впервые в карьере вошла в операционную в роли хирурга, а не ассистента, и это ощущение Ненашева помнила очень долго.

Сегодня ничего подобного не было, Ульяна чувствовала себя собранной, уверенной и точно знала, что и как делать.

Поздоровавшись со всеми, она посчитала в голове до десяти и шагнула к столу, ощущая затылком, что за ней наблюдают.

Подняв слегка голову, она увидела, что потолок операционной стеклянный, там находится купол – такой же, как в больницах, где она проходила практику, учась в институте. И наверняка там сейчас сидит Аделина Драгун и наблюдает за тем, как она, Ульяна, будет работать.

Она отлично понимала, что это не от недоверия, не от желания проконтролировать – владелица клиники хотела посмотреть, как поведет себя в первый операционный день новый хирург, в этом нет ничего странного или обидного.

«Я не облажаюсь, – сказала себе Ульяна, протягивая руку сестре и чувствуя, как в ладонь лег скальпель. – Я отлично владею этой техникой, сейчас все сделаю в лучшем виде».

После первого разреза она и думать забыла о Драгун, об испытательном сроке, обо всем вообще – только о каждом своем следующем движении, о каждом следующем шаге в ходе операции.

Объем вмешательства был небольшой, девушку не устраивала довольно заметная горбинка, исправить это оказалось просто.

Накладывая послеоперационный бандаж, Ульяна подумала, что действовала по четко намеченной утром схеме, и после снятия всех повязок по мере того, как спадет отек тканей, лицо девушки станет миловидным и не будет больше причиной ее каждодневного стресса.

Именно так клиентка охарактеризовала свое состояние сегодня утром, когда Ульяна осматривала ее перед операцией.

– Вы просто посмотрите на этот крюк, доктор, – повернувшись к Ульяне в профиль, с досадой произнесла девушка. – Я же при желании могу бутылки открывать...

– Вы преувеличиваете, – спокойно отозвалась Ненашева, пальпируя спинку носа. – Но я согласна с тем, что эту горбинку лучше убрать, раз она причиняет вам такой дискомфорт.

– Дискомфорт! – фыркнула клиентка. – У вас вон даже горбинка на носу симпатичная, и сам носик маленький...

– У вас немного другое строение лицевого черепа, потому такая форма носа, как моя, сделает ваше лицо невыразительным, он для вас мелкий. А мы устраним имеющийся дефект, и ваше лицо станет вот таким. – Ульяна взяла планшет, с которым, как ей уже объяснили, здесь принято ходить на обходы, и показала девушке два варианта фотографий, совмещенных в одну картинку – до и после. – Видите? Мы это аккуратно уберем, и ваше лицо изменится. Нравится?

Девушка, едва дыша, взяла планшет двумя руками и долго всматривалась в фото, с которого уже исчезла ненавистная горбинка.

– Ой... надо же... – возвращая планшет Ульяне, произнесла она. – Вообще другое лицо...

– Еще не поздно отказаться.

– Да что вы, доктор! – живо возразила клиентка. – Я в эту клинику еле попала! Ни за что не откажусь!

– Тогда до встречи в операционной. Через пару часов проснетесь уже с другим носом.

– Удачи нам, доктор, – сказала девушка, глядя на Ульяну с благодарностью.

– Спасибо, она нам пригодится.

Выйдя из палаты, Ульяна почувствовала, как ей стало чуть легче, как будто беседа с будущей клиенткой сняла напряжение, охватившее Ульяну в тот самый момент, когда она вышла из машины на парковке.

Ненашева всегда волновалась. Иногда ей казалось, что она родилась, волнуясь, и умрет, тоже охваченная волнением. Это чувство стало постоянным ее спутником по жизни.

Сегодня причиной волнения была предстоящая встреча с новыми коллегами. Она знала, что работают хирургами здесь мужчины, исключая только владелицу клиники; а женщин, кроме медсестер, кухонных работниц и врачей отделения реабилитации, больше не было.

Хирургия – традиционно мужская территория, женщины стали заходить на нее сравнительно недавно, и многие добивались больших успехов.

Ульяна выбрала специализацию как раз потому, что профессия считалась мужской. Могла пойти в терапию, в кардиологию, но это ее не интересовало. Она знала себе цену, но почему-то жутко смущалась, если об этом начинали говорить вслух – о том, что Ненашева талантлива, что у нее золотые руки, что она накладывает потрясающе аккуратные швы, что она делает экономные разрезы. Ей казалось, что она не заслуживает таких похвал, хотя работает хорошо.

«Зачем хорошо, когда ты должна делать идеально?» – звучал голос в ее голове, и Ульяна снова чувствовала, что не дотянула, не достигла...

Но, против ее настроя, ординаторская встретила ее хорошо и приветливо, и до планерки Ульяна успела со всеми познакомиться.

Особенно заинтересовал ее высокий, широкоплечий мужчина с открытым лицом. Ульяна силилась вспомнить, где раньше слышала эту фамилию, и голос в голове вдруг выдал фразу «а Мажаров молодец, не растерялся. Никогда Аделина никому в рот не смотрела, а тут даже дышать, кажется, боится. Кто бы мог подумать, что он на нее вообще внимание обратит... Хотя ради перспективы и Драгун не самый плохой вариант».

От этих слов, прозвучавших только для нее одной, Ульяне вдруг стало не по себе – словно их слышали все в ординаторской.

«Ну вот... сейчас опять покраснею, – зло подумала она, опустив голову и сделав вид, что изучает снимок клиентки на экране планшета. – Выходит, это муж Драгун... А напротив меня сидит интересный мужчина, и он, похоже, моложе всех здесь. Так, надо прекратить, я точно уже красная, как вареный рак».

Хирурга, занимавшего стол напротив того, что отдали Ульяне, звали Игорем Александровичем Авдеевым, и именно он вызвался первое время помогать ей разобраться в том, как и что устроено в клинике – так решили коллеги, заверив, что это нормальная практика.

Ульяна только плечами пожала – Авдеев не вызвал у нее негативных эмоций, скорее, наоборот.

Когда все разошлись смотреть своих клиентов, Авдеев остался в ординаторской.

– А вам на обход не нужно? – спросила Ульяна, заметив, что он и не собирается покидать своего места.

– Это еще не обход. У нас принято смотреть своих клиентов до того, как состоится обход с главным врачом. Аделина Эдуардовна и сама так делает.

– Я запомню, – кивнула Ульяна. – Но вы своих смотреть не будете?

– Я сегодня дежурил, уже все сделал. Вы, Ульяна Борисовна, не стесняйтесь, спрашивайте обо всем, что непонятно. У нас тут многое не так, как в других больницах.

– Например?

– Например, вам сегодня до вечера нужно в кухонный блок подать список продуктов, которые вы предпочитаете. Питание у нас организовано, из дома никто ничего не носит, а кухня учитывает пожелания каждого сотрудника.

– Интересно... впервые с таким сталкиваюсь...

– Да, это еще первая заведующая кухонным блоком такое правило ввела, – чуть покачиваясь на стуле, сообщил Авдеев. – С тех пор новая заведующая это поддерживает.

– А со старой что же случилось?

– Ее задушили. – И у Ульяны по спине пробежали мурашки. – Я подробностей не знаю, тут не принято сплетни собирать.

– Извините...

Авдеев перестал качаться на стуле и, сложив перед собой на столе руки, спросил:

– А что вас привело в эту клинику?

– Пластическая хирургия.

– Нет, это понятно. А вообще? В городе много небольших клиник, а вы к тому же в Москве стажировку проходили – не хотелось остаться?

– Мне не нравятся большие города. Зато нравятся перспективы.

– В науку хотите?

– Почему бы нет? Я слышала, здесь это поощряют.

– Верно слышали. Если интересно будет, могу рассказать о том, над чем сейчас работаю.

Вы на чем хотите специализироваться?

– Челюстно-лицевая хирургия.

– Жаль... – искренне огорчился Авдеев. – Думал – сможем вместе работать. Но я по реконструктивной хирургии больше – маммопластика и все такое.

Ульяна непроизвольно скривила губы, и Авдеев это сразу заметил:

– Считаете, что для мужчины это странно?

– Ну почему же? – поняв, что не сдержала эмоций, постаралась сгладить неловкость Ненашева. – Как раз для мужчины вполне логично...

– Я ведь раньше кардиохирургом был, – вдруг сказал Авдеев изменившимся голосом. – А потом... словом, потом пришел сюда. Сперва хотел тоже лицевой хирургией заняться, но так вышло, что...

– Игорь Александрович, я не хочу показаться грубой, но... мне нужно клиентку посмотреть, у меня операция в час, – извиняющимся тоном проговорила Ульяна.

– Да, конечно! – спохватился Авдеев. – Уже пора идти в лечебный корпус, скоро обход. Давайте я вам все покажу, что попадется по дороге, а после операции продолжим, хорошо? У нас тут много закоулков всяких, сразу все не запомнить.

Вернувшись после операции в ординаторскую, Ульяна обнаружила на столе чашку кофе, а на отдельном блюде – несколько кусочков сахара и пакетик сливок.

Это было кстати – она чувствовала, что устала, и немного бодрости не помешает.

Протокол операции она написала быстро, с фотографической точностью воспроизведя все манипуляции, которые провела в операционной. План послеоперационного ведения клиентки тоже не вызвал сложностей, и, поставив последнюю точку, Ульяна отодвинула от себя клавиатуру.

На столе лежало несколько папок – это те клиенты, которых ей предстояло вести самостоятельно. Ненашева придвинула стопку к себе и погрузилась в чтение.

«Однако... тут, смотрю, сразу нагружают, и операции довольно сложные, – с удивлением отметила она, откладывая в сторону очередную папку. – Но это даже хорошо – всю следующую неделю мне будет не до отдыха, это прекрасно. Нужно кое-что почитать...»

Перед тем, как начать собираться домой, Ульяна решила сходить и провести послеоперационную клиентку.

Немного заплутав в подземном переходе, она еле нашла лестницу, ведущую в реабилитацию.

Спросив на посту номер палаты, Ненашева оказалась в просторном помещении с двумя большими окнами, зашторенными жалюзи песочного цвета.

Одна из кроватей пустовала, на второй лежала ее клиентка, уже проснувшаяся после наркоза.

Ульяна осмотрела повязку, справилась о самочувствии.

Девушка попыталась даже выдать улыбку:

– Все в порядке, доктор... только саднит нос, тянет...

– Это пройдет. И не пугайтесь, синяки под глазами пройдут, это от отека.

– Мне сказали, что тут зеркал нет.

Ульяна смутилась:

– Я здесь недавно... откровенно говоря, вы моя первая клиентка... в смысле – в этой клинике...

– Значит, у нас с вами дебют... скажите, а если заболит ночью, мне можно попросить укол?

– Конечно. Вам его и так предложат на ночь, я назначила, но если будет совсем нестерпимо, то попросите, кнопка вызова сестры на пульте. Я приду завтра часов в семь утра.

– Спасибо... отдыхайте, доктор.

Ульяна вышла из палаты с чувством облегчения – клиентка в порядке, все хорошо. Можно ехать домой.

«Ах да, я же еще в зал собиралась... – вдруг вспомнила она, уже шагая в сторону административного корпуса. – Даже бандуру с формой взяла... придется заехать».

«Что значит – «придется»? – тут же зазвучал голос в голове. – Как можно так халатно относиться к чему-то? Как вообще при таком подходе можно добиться высоких результатов? Делу нужно отдаваться целиком, только тогда в этом есть какой-то смысл!»

Остановившись посреди коридора, Ульяна зажала ладонями уши, затрясла головой. Но голос уже умолк.

Регина

В самолете я все время дремала, забившись к иллюминатору, напустив на щеку длинные волосы парика и надвинув капюшон как можно ниже на лицо.

Умница Ариша специально выбрала такие места, где я окажусь стороной лица в повязке подальше от посторонних глаз, и даже стюардесса, кажется, этого не заметила.

Еще в аэропорту я предупредила Аришу, что ни пить, ни есть на борту не буду, чтобы она меня не дергала.

– Ты весь день голодная, – заметила агент, – так ведь и свалишься.

– Мне жевать больно. Ты точно проверила – мы охлаждающие пакеты не забыли? Иначе я очень скоро начну орать на весь салон.

– Нет-нет, все здесь, – она похлопала по висевшей у нее на боку небольшой сумке-холодильнику – там лежали три охлаждающих пакета. Обычно в этой сумке Ариша таскала на съемки воду и кубики льда в формах, чтобы в случае необходимости приложить к ушибу или быстро снять отеки с глаз. – Регинка... может, все-таки надо было в полицию заявить, а?

– Еще чего не хватало! Ты только представь, что начнется!

– Но... помимо всего прочего, это же еще и пиар... реклама...

– Ой, все, Ариша! Никакой рекламы на таком деле, поняла? Я не хочу видеть свои фотографии с вот этим лицом в газетах и на порталах, ясно?

Ариша обиженно похлопала длинными белесыми ресницами, но возражать не стала. Это было очень ценным ее качеством – умение проглотить обиду и не вступать в споры, я, как человек взрывной и эмоциональный, подобными талантами не обладала, а потому Ариша ловко сглаживала любые недоразумения, возникавшие между нами, именно таким своим поведением – похлопала ресничками и умолкла, а через пять минут все уже хорошо.

В полудреме я слышала, как рядом то и дело перелистывает страницы какой-то потрепанной книги Ариша, как стюардесса разносит ужин, предлагает напитки, как ворочается в кресле позади меня полный молодой мужчина, еле втиснувший свое тело между подлокотников.

Заболело лицо, я заворочалась, стараясь принять удобную позу, и Ариша тут же нырнула вниз, где у ее ног стояла сумка с охлаждающими пакетами. Я пробормотала «спасибо» и приложила пакет к щеке, зажав его плечом. В рот отправила пару таблеток обезболивающего, запила водой из протянутой Аришей бутылки. Стало немного легче. Мне нужно было многое обдумать, но сейчас ничего не шло в голову. Времени в клинике у меня будет достаточно, и

я продумаю все свои дальнейшие действия так, чтобы не случилось больше ни единого сбоя, ни малейшего прокола.

– ...Регинка, ну, просыпайся, садимся уже!

Голос Ариши вырвал меня из состояния дремы, я вздрогнула и выронила пакет. Он, разумеется, завалился между креслом и стенкой и там прочно застрял, за что-то зацепившись.

– Да и черт с ним, Регинка, еще два есть, – пресекла мои попытки достать пакет Ариша. – Давай спинку подними, пристегивайся. Там, похоже, зима полным ходом. Я так давно нормального снега не видела – чтобы сугробами... А клиника, дядя сказал, в лесу...

– Ты говорила, – автоматически отозвалась я, стараясь замаскировать повязку капюшон. – Который час?

– Половина седьмого.

– Это местное или московское?

– Местное, в Москве ночь еще.

– То-то я себя чувствую, как злая невыспавшаяся сова... – Я снова заерзала в кресле, пытаюсь размять затекшую спину.

– Привыкай. Тебе здесь придется месяца два-три пробыть.

– А ты? – задала я, наконец, мучивший меня вопрос.

– А что – я? – удивилась Ариша. – Меня же в клинику не положат вместе с тобой. Да там на территорию, дядя говорил, без специального пропуска не попасть, теперь понимаешь, почему я именно эту клинику выбрала? Хорошо, что дядя знаком с владелицей, так бы долго ждать пришлось.

– Осчастливил, значит, меня твой дядюшка? – криво усмехнулась я – терпеть не могла этого мерзкого типа с липкими глазами.

– Ну, Регинка... зачем ты? Он меня вырастил, между прочим, и до сих пор еще помогает, чем может...

– Ну, все-все, не трогаю я твоего дядюшку, успокойся, и спасибо ему за клинику. Но ты так и не сказала – в Москву когда улетаешь?

– А ты как хочешь? Могу остаться и квартиру снять в городе...

Нет, я не хотела, чтобы Ариша снимала квартиру в городе, не хотела, чтобы она приезжала в клинику. Мне нужно полное одиночество и возможность побыть наедине со своими мыслями.

– Думаю, тебе лучше вернуться. В Москве легче держать руку на пульсе, сама же сказала. Сможешь отслеживать все, что пишут о моем исчезновении. Ну и нам ведь нужно делать какие-то информационные вбросы, чтобы почтенная публика меня не забыла, правда? – похлопав Аришу по руке, сказала я. – А кто, кроме тебя, этим заниматься будет? И потом – ну какой смысл тебе торчать в незнакомом городе? Что ты делать-то здесь будешь?

– Ты права, Регинка... я устрою тебя и постараюсь улететь вечером.

– Можешь жить пока у меня, если хочешь, – расщедрилась я, и глаза Ариши заблестели:

– Ой, правда?! Спасибо, Регинка! Я очень аккуратно буду... ты не волнуйся...

– Да я не волнуюсь, чего мне волноваться-то?

– Я тебе буду звонить каждый день. – Ариша развернулась в кресле и притянула меня к себе, не рассчитав, что в порыве благодарности может случайно задеть мое лицо. Так и вышло – ее рука скользнула по повязке, и я взвизгнула от боли. – Ой...

– Сиди спокойно, – процедила я, вцепившись пальцами в подлокотники. – Не надо лишнего внимания привлекать, вдруг меня узнают...

– Тебя в этом парике родная мать не узнает... ой! – Ариша прикрыла рот обеими руками, и глаза ее тут же наполнились слезами: – Регинка... ну, прости... я как дура какая-то... все время не то ляпаю...

Не то чтобы упоминания о матери причиняли мне какие-то особенные моральные страдания, но Ариша, конечно, как и все остальные, об этом понятия не имела, и для нее факт, что мать моя мертва, был гарантией того, что я их непременно испытываю. С точки зрения выросшей без матери и отца Ариши это было горем. Но не объяснять же ей...

– Все, прекрати! Садимся, – с облегчением увидев в иллюминаторе приближающиеся огни посадочной полосы, пробормотала я. – И это... давай помолчим немного, хорошо? Мне больно разговаривать.

Ариша понимающе закивала, вытерла слезы и, сложив на груди руки, закрыла глаза – она панически боялась взлетов и посадок, хотя сам полет переносила нормально. Я же повернулась к иллюминатору и наблюдала за тем, как темная полоса внизу становится все ближе, ближе, и вот самолет уже коснулся ее шасси, понесся, вжимая скоростью тела пассажиров в спинки кресел. В салоне вспыхнул свет, и голос бортпроводницы произнес положенные в таких случаях слова приветствия и температуру за бортом.

– Однако! – встрепенулась Ариша, услышав «минус двадцать два градуса».

– Ну, не околеет, мы же тепло одеты.

– Я боюсь, что ты лицо застудишь.

– Намотаю сейчас шарф повыше, сбоку капюшоном закрою – до такси добегу.

Нас пригласили к выходу, и я, застегнув пуховик до подбородка и спрятав лицо в шарф, устремилась следом за Аришей.

В бизнес-классе нас летело четверо, так что в поданном к трапу микроавтобусе мы быстро у ourselves назад, так, чтобы я оказалась спиной в салон.

– Все в порядке, – прошептала севшая напротив Ариша, – мужики эти вперед сели, спиной к тебе.

– Будем выходить после них, путь пройдут.

Такси Ариша нашла мгновенно – у нее всегда хорошо получалось организовывать такие бытовые моменты, я бы перебирала, приценивалась, сомневалась, а она – раз! – и готово, и машина у выхода, и цена за поездку явно меньше, чем могла бы быть.

– Далековато ехать, девчонки, – объявил таксист, выезжая с территории парковки, – вздремнуть успеете.

– Вздремнешь тут – в таком холоде, – пробурчала Ариша, усевшаяся рядом с ним.

– Это разве холод? Так, легкий морозец. Да и всего второй день.

– А обычно сколько?

– Да всю зиму! – захохотал он. – Это не столица ваша, здесь морозы настоящие, да и снег тоже будь здоров.

– Снег – это замечательно! – с энтузиазмом подхватила Ариша. – Я, если честно, нормального снега не видела... даже не знаю, сколько лет. У нас же как – выпал вроде, а его тут же реагентами завалили, и вместо снега – получите кашу непонятного оттенка. А тут – красота... – Она прижалась носом к стеклу, рассматривая абсолютно белые деревья вдоль трассы.

Они с таксистом еще о чем-то болтали, но я уже не прислушивалась – разболелась щека, я полезла в карман, где лежали таблетки.

Если так пойдет, я рискую впасть в зависимость... быстрее бы уже оказаться в этой клинике.

Аделина

Матвей позвонил, когда я уже сняла халат и собиралась вынуть из шкафа сапоги – время перевалило за половину четвертого, мой рабочий день давно закончился.

– Вы спуститесь, Аделина Эдуардовна? – сухим официальным тоном спросил муж, и я поняла, что в приемном клиенты.

– Да, сейчас.

Пришлось снова облачаться в халат и идти в приемное отделение.

В смотровом кабинете я увидела Матвея с лампой-рефлектором на лбу и высокую худощавую женщину с длинными светлыми волосами, постриженными «каскадом» так, что пряди закрывали почти всю половину лица, которой сидящая была повернула ко мне. На стуле у двери притулилась вторая женщина – тоже высокая, с круглым открытым лицом и мелкими кудряшками, белым облаком обрамлявшими голову, как одуванчик. Казалось, что от малейшего движения воздуха вся эта белоснежная прелесть может облететь, оставив голову хозяйки совершенно обнаженной.

– Почему в смотровой посторонние? – спросила я, глянув на Матвея, и тот пожал плечами.

– Клиентка не возражала.

– Я возражаю. Будьте добры, подождите в холле, там удобный диван, – бросила я той, что сидела у двери.

– Но я...

– побыстрее, пожалуйста, – отрезала я, больше не поворачиваясь, и услышала, как она встала и захлопнула за собой дверь смотровой. – Меня зовут Аделина Эдуардовна Драгун, я главный хирург этой клиники, – обращаясь к сидевшей у лампы женщине, сказала я.

– Меня зовут Регина Шелест, – низким приятным голосом произнесла она, – вам должен был звонить насчет меня Семенцов из Минздрава.

– Он мне звонил. И я назначила время, в которое вы должны были сюда приехать. И это время истекло как минимум пару часов назад.

– Извините, пожалуйста... перелет, разница во времени... кроме того, у меня бессонница и боли... я задремала в гостинице, а Ариша не стала будить... Ариша – мой агент, – сбивчиво заговорила клиентка. – Еще раз извините...

Я кивнула, прерывая поток извинений, и обратилась к мужу:

– Матвей Иванович, вы еще осмотр не проводили?

– Нет, только готовлюсь. Хотите сами? – спросил Матвей, и в его голосе я уловила неодобрение.

Ну, еще бы – не понравилось, что я с порога отчитала и его, и эту парочку.

– Я поприсутствую.

Матвей оттолкнулся от пола и подъехал на табурете прямо к смотровому столу.

– Парик снимите, пожалуйста. Здесь нет необходимости в маскировке.

Клиентка стащила длинные волосы, оказавшиеся очень хорошим париком, маскировавшим стильную стрижку глубокого медового цвета. Правая половина лица от нижнего края орбиты до подбородка была заклеена повязкой, и та уже пропиталась сукровицей.

– Что случилось? – спросил Матвей, готовясь снимать повязку.

Шелест наблюдала за его руками, и в ее глазах я видела испуг. Матвей тоже это заметил:

– Не бойтесь, больно не будет, только немного неприятно. Так что произошло?

– Мне плеснули в лицо кислотой.

– Круто, – аккуратно снимая повязку, сказал муж. – Фанаты или завистники?

– Не знаю... я даже толком не рассмотрела, кто это был... ой...

– Больно?

– Д-да...

– Ну, ожог не особенно глубокий, – произнес Матвей, внимательно осматривая рану. – Посмотрите, Аделина Эдуардовна.

Я надела маску и наклонилась из-за плеча Матвея, рассматривая раневую поверхность. Она была довольно большой по площади, но не глубокой. И что-то в этой ране мне не понравилось, собственно, как, видимо, и Матвею, потому он и предложил мне посмотреть ближе.

– Видите? – он направил «зайчик» рефлектора на рану.

– Да... площадь большая, но глубина незначительная... интересный ожог. Не рассмотрели, из чего в вас плеснули?

– Н-нет... это так быстро произошло... всего пара секунд – и все, страшная боль, я даже сознание потеряла...

– Кто вам помощь оказывал?

– Сама... никого не было, я пришла в себя и постаралась смыть все с лица водой из бутылки... к лицу не прикасалась, просто поливала... – сбивчиво рассказывала клиентка, то и дело морща здоровую часть лица и облизывая губы.

Она переводила взгляд с меня на Матвея и обратно, словно искала поддержки.

– Хорошо... а потом? Вы ведь обратились за медицинской помощью?

– Да... вызвала «Скорую»...

– А полицию?

– Полиция на следующий день приехала... но я ничего не смогла вспомнить, я даже не поняла, мужчина это был или женщина...

– И вас даже не госпитализировали? Ведь такой ожог – прямая дорога в ожоговый центр, – накладывая новую повязку, спросил Матвей.

– Вы понимаете... мне не нужна огласка, я же актриса... только-только сериал закончили, а тут... я ведь без работы останусь...

– Мне казалось, в вашей среде в последнее время модно подогревать интерес к себе и своему творчеству любыми способами, – сказала я, отходя к столу и снимая маску.

– Это дело вкуса... я, например, не хочу такой славы. Меня потому и заинтересовала ваша клиника, что она далеко, и в ней гарантируют спокойствие и отсутствие журналистов с камерами.

– Ну, с этим у нас все обстоит строго. На территорию без пропуска не попасть, пропуск можете заказать только вы и только на конкретных людей. Кстати, вашему агенту пропуск нужен?

– Арише? Нет, она улетит завтра утренним рейсом. Посетителей у меня не будет. Но... я могла бы попросить разрешения все-таки носить парик? – каким-то жалким тоном спросила Шелест.

– Как вам будет угодно. Но вы увидите, что здесь никто друг другу в лица не вглядывается.

– Вы не понимаете... – вздохнула она. – Я актриса, причем актриса довольно известная... даже с перевязанной половиной лица меня могут узнать... не хочу, чтобы кто-то вообще это обсуждал.

– Я же сказала – дело ваше, можете носить парик, можете просить обслуживание в палату – у нас это практикуется.

– Спасибо, – с облегчением выдохнула Шелест.

– Значит, поступим следующим образом. Раз уж вы здесь, не вижу смысла возвращаться в город – тем более ваша агент, вы сказали, улетает завтра утренним рейсом. Она может пробыть здесь до вечера, но после семи должна покинуть территорию клиники. Вас сейчас определяют в палату, а завтра после обхода мы вам предложим план лечения. Оперировать вас будет доктор Мажаров. – Сказав это, я заметила гримасу недовольства на лице Матвея, но решения менять не собиралась – оперировать эту мутную даму будет он, я и так загружена, на этой неделе пять операций, на следующей – семь, из них четверо – дети, а это дополнительные сложности. Так что приводить в божеский вид лицо этой известной актрисы придется Матвею.

Кстати, надо глянуть, как она выглядела до случившегося, чтобы понимать, с чем будем иметь дело.

Шелест кивнула, потянувшись рукой к парикку:

– Арише можно будет со мной в палату пройти?

– Можно. Но в семь вечера она должна стоять за шлагбаумом, медсестру я предупрежу. Всего хорошего, Регина... как вас по отчеству?

– Владиславовна.

– Значит, Регина Владиславовна. Завтра увидимся на обходе. Матвей Иванович, вы оформите бумаги?

– Да. Мне нужно минут тридцать.

Я вышла из смотровой, спиной чувствуя недовольство мужа. Странно, с чего бы он так не хотел брать эту Шелест? Похоже, меня ждет непростой разговор дома...

Сидевшая на диване в холле агент актрисы вскочила и кинулась ко мне, едва я показалась из коридора, где находились смотровые.

– Доктор, что вы скажете?

– А что вы хотите услышать?

– Вы сможете вернуть Регине лицо?

Я поморщилась.

– Не надо преувеличивать масштабы. Предстоит пересадка кожи, только и всего. Раны неглубокие, хоть площадь и большая. Скажите, Арина, вы знаете, при каких обстоятельствах Регина получила эту травму?

– На нее напали, когда она возвращалась домой. Регина живет за городом, ездит туда на машине... видимо, тот, кто на нее напал, как-то проник на территорию ее коттеджа.

– Погодите... то есть ее облили кислотой во дворе? Не в доме?

– Кажется, нет... Регина сказала, что потеряла сознание, а когда пришла в себя, то смогла смыть кислоту водой из бутылки – у нее всегда в машине есть пара бутылок с водой, она следит за питанием и соблюдает водный режим.

«Очень странно... если Шелест потеряла сознание, то кислота оставалась на лице довольно долго – ровно столько, сколько актриса пробыла в отключке плюс время, чтобы взять бутылку из машины. Ожоги должны быть куда глубже».

– Что-то не так? – обеспокоенно спросила агент, и я помотала головой.

– Нет-нет, это я так... вы не волнуйтесь, все с вашей подопечной будет в порядке. Скажите, Арина, а полицейские осматривали место происшествия? Нашли что-то?

– Понимаете... – она замялась, оглянувшись по сторонам и, понизив голос, проговорила: – Я постаралась замаять это дело... ну, Регина не хотела, чтобы было расследование... она так и написала, что не помнит нападавшего, не сможет его узнать...

– И дело не возбудили?

– Нет...

– Понятно. Ладно, это меня не касается. Лицо мы ей поправим, – еще раз сказала я. – Вы можете побыть здесь до вечера, я объяснила правила госпоже Шелест.

– Спасибо.

– Это дяде своему скажете, мне пока не за что.

С территории клиники мы с Матвеем выехали в гробовом молчании. Напряженность повисла в салоне и стала настолько осязаемой, что мне казалось – могу ее потрогать.

Матвей был ощутимо зол, его брови сошлись к переносице, а лоб перерезала вертикальная морщина – так бывало всегда, если Мажаров сердился.

– Что я сделала не так? – не выдержав, спросила я, развернувшись, чтобы видеть его реакцию.

– Спихнула мне клиентку, которой почему-то не хочешь заниматься сама.
– Ну, так не в первый раз. Почему именно сегодня ты решил разозлиться?
– Тебе не показалось, что она врет?
– Показалось. Более того – я почти уверена в этом, но жизнь клиентов нас не касается, как не касается их вранье. Ей нужна помощь – она ее получит. – Я приоткрыла окно и закурила.
– Тебя продует, – автоматически заметил муж.
– Я быстро... Матвей, ну, ты ведь понимаешь... отказать Семенцову – навлечь на клинику неприятности, он мстительный и злопамятный.
– Так можно договориться до чего угодно, в том числе и до откровенного криминала. И тогда клинику точно закроют.

– Да какой тут-то криминал? Шелест, конечно, привирает про обстоятельства травмы, и дело в полиции они замяли – мол, шума не хотят, ты ведь слышал. Но если все так, как она рассказывает, то ожог должен быть гораздо глубже. Кроме того, странно, что глаз не пострадал – даже рядом нет ни единого следа, ни крошечного ожога, который неминуемо был бы от попавших капель. Ведь жидкость, соприкоснувшись с довольно упругим препятствием, обязательно разлетится каплями, так? Ну, тогда почему рана сплошная, нет никаких точечных ожогов на периферии? – Я выбросила окурочку и закрыла окно.

Матвей молчал, глядя на дорогу, но я знала, что думает он об этом же – уж что-что, а замечать мелочи мой муж умел не хуже меня.

– Матвей... ну, какой у нас выход? Я могу завтра сказать ей, что оперировать ее в нашей клинике не будут. Но посмотри на это с другой стороны. Рана несвежая, ей как минимум дня три-четыре, ты только представь, какие мучения испытывает эта женщина. Я удивляюсь, как ей удалось сохранить рану без признаков нагноения. Но ведь ты понимаешь, что еще день-два – и у нее может развиваться сепсис. Если мы ее отошлем обратно – ты поручишься за то, что она долетит нормально и не упадет замертво, скажем, на трапе самолета в Москве?

– Если ты хочешь воззвать к моей врачебной совести, то не стоит. Я прекрасно понимаю, чем грозит промедление. На стол я ее возьму хоть завтра – думаю, к двум часам мы получим все результаты. Нужно хотя бы обработку провести, все почистить и подготовить, а уж потом решать вопрос о пересадке, все равно сейчас ее делать нельзя.

Я вынула из кармана мобильный и набрала номер ординаторской.

Дежуривший сегодня Филипп Басалаев ответил почти сразу:

– Слушаю.

– Филипп Аркадьевич, это Драгун. Попрошу вас понаблюдать за клиенткой из пятой палаты и подготовить ее к операции на завтра. В операционную она пойдет часа в два, там будет «окно». Так что было бы хорошо все результаты анализов положить на стол доктора Мажарова уже часам к десяти.

– Конечно, все сделаем, Аделина Эдуардовна, – заверил Филипп.

– Спасибо. Спокойного дежурства.

В клинике дежурства обычно и без моих пожеланий проходили спокойно, мы все-таки не рядовая больница, к нам не везут экстренных, хотя порой такое тоже случалось – могли согласовать больного из автодорожной, например, с обширными повреждениями лицевых костей, и тогда мы по собственной методике оказывали помощь сразу, а не дожидались, пока переломы срастутся, чтобы потом вновь ломать. Методика принадлежала Матвею, я лишь немного помогла ему в разработке, и подобные операции делали только в нашей клинике, но они, конечно, были редкостью.

– Давай в ресторан заедем, – предложил вдруг муж. – Время еще позволяет, народа немного, посидим, поужинаем – и домой.

– А не часто? Мы вчера в ресторане ужинали. И потом, ты же за рулем.

– Так мне завтра и в операционную.

– Мне, кстати, тоже, так что предлагаю романтический ужин перенести на вечер пятницы, чтобы точно никуда не торопиться.

– Убила весь настрой, – со смехом подвел итоги муж. – Ладно, едем домой, ты, наверное, права, лучше в пятницу посидим.

– Надо бы подарок твоей маме поискать к Новому году.

– Ты же знаешь маму – ей бы пару новых форм для тортов, и она уже счастлива.

– Предлагаю к формам еще путевку в профилакторий добавить, она в последнее время жалуется на усталость. Вот пусть проведет остаток января в приятном месте со всеми расслабляющими процедурами, – предложила я, зная, что только Матвей сможет уговорить свекровь куда-то поехать.

Он взъерошил волосы на затылке и произнес:

– А идея отличная... Помнишь, мы на майские с тобой ездили в отличный профилакторий? Думаю, зимой там не хуже.

– Зимой там даже лучше – народа меньше, кругом лес, рядом никаких дорог, заводов и выхлопов. Тишина, красота и покой. Так что – я завтра позвоню, закажу?

– Заказывай, конечно.

– Ну и отлично. А формы для тортов в «Мечте кондитера» купим.

Магазин «Мечта кондитера» был любимым местом моей свекрови. Она проводила там часы, рассматривая и выбирая разные приспособления для выпечки, названия которых лично мне не говорили вообще ничего. Но Ирина Кирилловна, всегда очень деятельная и умеющая делать все своими руками, например, варить земляничное мыло, год назад внезапно увлеклась выпечкой, да так, что вместе с двумя подругами они организовали небольшую кондитерскую, где сами пекли и продавали торты и разные пирожные, кексы и вафли, получили разрешение, оформили патент и лицензии, арендовали помещение и теперь из праздных пенсионерок превратились в настоящих «королев выпечки» – их изделия очень быстро нашли покупателей, и у кондитерской появилось множество постоянных клиентов.

Ирина Кирилловна, как самая энергичная, заправляла всем и отвечала за закупки продуктов и инвентаря, но иногда любила и сама испечь что-то эксклюзивное на заказ.

Разумеется, в ее возрасте уже было тяжело вести такой активный образ жизни, она стала иной раз жаловаться мне на повышенное давление – так, чтобы об этом не слышал Матвей, потому отдых ей был просто необходим. Ничего, справятся компаньонки и без нее пару недель.

Выйдя замуж, я внезапно полюбила возвращаться домой. Вроде ничего не изменилось – мы жили в моей квартире, удобной и уютной, но до того, как здесь поселился Матвей, я не чувствовала этого. А теперь, открывая дверь, сразу понимала – это дом, наш дом, дом, где нам вдвоем хорошо.

Квартира больше не напоминала чертоги Снежной королевы – она стала какой-то более обжитой, что ли, хотя по-прежнему дважды в неделю приходила домработница, поддерживала заведенный здесь идеальный порядок.

Но поменялось ощущение от квартиры – мое ощущение. Матвей вошел в мою жизнь так, словно был в ней всегда, и его присутствие только улучшило все, что было до него.

Мы прекрасно делили один кабинет, не мешали друг другу в ванной по утрам – как будто так было всегда. Мне нравилось, что утром из кухни пахнет чем-то вкусным – Мажаров сам готовил завтраки, варил кофе, не требуя этого от меня.

Я любила зайти в ванную и взять в руки его мокрое полотенце, прижаться к нему лицом и постоять так пару минут, просыпаясь – и мне казалось, что так я поступала всю жизнь.

Словом, мы удивительным образом совпали не только в работе, но и в личной жизни.

Ульяна

Знакомый с раннего детства запах спортивных раздевалок. Это было именно то, что встречало ее первым в большом спортивном центре, где проходили тренировки.

Ульяна была самой упорной в группе, самой настойчивой, самой целеустремленной. Никто, кроме нее, не уходил из зала, подгоняемый шваброй уборщицы, никто, кроме нее, не приходил в выходные к самому открытию.

Ульяна тренировалась истово, словно от этого зависела ее жизнь, а не результат очередных соревнований.

Ее тренер до сих пор жалел, что Ненашева перестала выступать, отучившись три года в медицинском институте – стало сложно сочетать многочасовые тренировки с учебой и практикой.

По старой памяти Ульяна приходила в зал не реже двух раз в неделю, но работала уже с меньшим рвением, просто поддерживала хорошую форму. Изредка тренер просил ее помочь, и тогда она становилась в пару с кем-то из спортсменов, и вот тогда ощущала в себе прежнюю энергию и азарт.

После тренировки она совершенно расслабленно посидела в раздевалке, вытянув гудящие ноги и откинувшись на стену.

Сбросив все напряжение, Ульяна чувствовала себя, как ни странно, более сильной, чем до тренировки. Теперь можно было ехать домой, готовиться к завтрашнему дню.

Ей понравилась клиника – удобно спланированная, большая, с современным оборудованием и какими-то местными, только здесь принятыми правилами. Понравился Игорь Авдеев – он не был навязчив, но очень помог ей сориентироваться, без менторского тона и превосходства. С ним можно было общаться на любые темы, и Ульяна поймала себя на том, что, идя к припаркованной машине, улыбается.

«Нашла, чему радоваться! – тут же зазвучал в голове голос. – Тебе недостаточно было истории с этим неудачником Стасом? Ты решила попытать счастья с таким же неудачником, но не от спорта, а от медицины? Нельзя строить отношения с теми, кто не тянется вверх – они неминуемо утянут тебя за собой в яму. Нужно стремиться к тем, кто выше тебя, только так возможен рост».

Уронив тяжелую бандуру прямо на землю, Ульяна присела у колеса машины и зажала руками уши. Справляться с этим состоянием становилось все труднее, и она уже подумывала о том, что разговор с психологом, возможно, не такая уж плохая затея – все равно ей придется сделать это, иначе ей просто не подпишут рекомендацию.

«А что? Выговорюсь – и мне станет легче, – мелькнула в голове мысль, которую Ненашева тут же отогнала. – Нет. Если я сделаю это, меня не то что на работу не возьмут, меня просто в психушку закроют. Нельзя».

Она тяжело поднялась, отряхнула снег со дна бандуры, бросила ее на заднее сиденье машины и села за руль. «Дворники» разметали с лобового стекла нападавший за это время снег, Ульяна рассеянно следила за их мерными движениями из стороны в сторону и чувствовала, как охватившая ее паника понемногу отступает.

Эти панические атаки стали накрывать ее все чаще, в самых неожиданных местах, пусть не на продолжительный срок, но все-таки ощутимо мешая существовать.

Идти с проблемой к врачу она не хотела по разным причинам, в том числе и опасаясь огласки. Пока справлялась сама – дыхательными упражнениями, переключением мыслей, да просто вот таким созерцанием шаркающих по стеклу «дворников».

Когда в голове совершенно прояснилось, Ульяна выехала с парковки и направилась домой, вспомнив, что нужно еще заскочить в супермаркет – три дня она игнорировала эту поездку, и теперь холодильник выглядел сиротливо, демонстрируя при открывании дверки пустые полки.

Она медленно брела между полок, не совсем понимая, что именно ищет. Нужно было срочно встряхнуться, потому что Ульяна знала – еще немного, и в голове опять зазвучит голос, обвиняющий ее в безалаберности и в том, что ходить в магазин без списка, раз уж совсем ничего не можешь удержать в памяти, – верх безответственности и глупости.

«Нет-нет, только не сейчас! – стиснув зубы, подумала она и для надежности помотала головой. – Так, соберись, рохля! Чай закончился, молока нет, овощей нет, последнюю куриную грудку съела еще в выходной... это что же я, с выходных мяса не ела? Прекрасно – ударимся в вегетарианство! Не хватало у операционного стола завалиться».

Она решительно свернула в мясной отдел и оттуда вышла с куском говядины, грудкой индейки и приличным шматком печени, которую научилась мастерски готовить с грибами и луком.

Укладывая все это в корзинку, она не заметила, как влетела прямо в телегу вывернувшего из-за полок с крупами мужчины.

– Ой, простите! – сказали они с мужчиной одновременно, и Ульяна, услышав его голос, сделала непроизвольный шаг назад.

Опираясь на телегу, в которой было в беспорядке набросано множество пакетов и коробок, прямо на нее смотрел Стас Миронов.

Тот самый Стас, о котором буквально час назад она успела подумать.

– Улькин?! – от этого имени защемило в груди – так ее звал только он.

– Здравствуй... Стас, – с запинкой произнесла она, чувствуя, как краснеет.

– А ты чего тут? Живешь рядом?

– Да... переехала. – Ненашева начала лихорадочно оглядываться, ища пути к отступлению, и если бы могла, то задала бы стрекоча, перепрыгнув через полки.

– Улькин... ты чего так разнервничалась? Я же никогда тебе ничего плохого не делал...

«Вот именно! – завопила Ульяна мысленно и даже прикусила губу, чтобы этот крик не вырвался наружу. – Вот именно – ты никогда ничего плохого мне не делал, а вот я... это же я виновата во всем... Мне не надо было вообще с тобой отношения заводить, не надо было позволять приближаться! Это из-за меня! Все в твоей жизни пошло наперекосяк из-за меня!»

Стас заметил ее состояние, оттолкнул свою телегу в сторону, нагнулся к Ульяне и взял ее за плечи – совсем как раньше, и Ненашева, не выдержав, разрыдалась, уткнувшись лицом в его распахнутую на груди дубленку.

– Ну-ну, что ты... – поглаживая одной рукой ее вздрагивающую спину, а другой крепко прижимая к себе, пробормотал Стас. – Не плачь... я так рад, что увидел тебя, не представляешь! Я ведь даже не знал, что ты переехала... мы теперь, наверное, соседи?

Ульяна молча кивнула – она действительно жила через два дома от него, но ни разу не видела Стаса, не столкнулась с ним хотя бы случайно, хотя однажды, презирая себя за малодушие, почти час топталась в его дворе, не совсем понимая, зачем делает это.

Просить прощения? Вряд ли какие-то слова могли исправить то, что произошло... Увидеть, что у Стаса все хорошо, и получить лишний повод для угрызений, но теперь уже не совети, а жалости к себе? Этого хотелось еще меньше.

К счастью, в тот вечер Миронов так и не появился. Зато теперь он стоял перед ней, мало того – обнимал крепко, совсем как раньше, будто бы и не помнил ничего.

– Успокоилась? – поднимая ее зареванное лицо, спросил Стас. – Чего ты так рыдаешь-то, как будто умер кто... наоборот же – встретились вот... я рад тебя видеть.

«Как он может быть рад тебя видеть? – загремел в голове Ульяны голос. – Жалкий, ничтожный лгун! Да он тебе какой угодно лапши навешает, чтобы в койку затащить! Кому ты вообще нужна? И ему не нужна – он просто хочет тебя наказать! Не будь дурой, уходи немедленно!»

Ульяна почувствовала, как слабеют ноги. Она знала, что должна оттолкнуть Стаса и уйти, но сил на это не было. Да и желания не было – она чувствовала себя в его объятиях защищенной. Но... если она сейчас не уйдет, проклятый голос не даст ей жизни, изведет нотациями, а панические атаки станут чаще.

Нет, нельзя, ей нужно работать, ей нужно быть собранной, от ее действий зависят жизни. Нет!

– Прости, Стас... – выдохнула она, с силой вырываясь из его рук.

Бросив корзину с продуктами, она побежала к выходу так, словно за ней гнались, хотя Миронов остался на месте с открытым от удивления ртом.

Отдышалась Ненашева только на парковке, уже сидя в машине.

«Он не пошел за мной... – думала она, с тоской глядя на ярко освещенные двери супермаркета. – Не пошел... конечно, зачем ему идти за мной? От меня только неприятности».

Регина

В клинике мне понравилось. Тут совершенно не было специфического больничного духа, не пахло лекарствами и средствами дезинфекции, и сама клиника напоминала скорее санаторий, чем лечебное учреждение.

Особенно мне приглянулся огромный зимний сад, расположенный в реабилитационном корпусе, – там можно было спокойно сидеть среди растений, наслаждаться свежим кофе и выпечкой.

Как мне объяснили, если лечащий врач разрешит, я смогу выходить на улицу и гулять в парке, который окружает клинику со всех сторон. Но до этого, конечно, еще далеко...

А погулять здесь, думаю, будет приятно – тихо, кругом снег, а дорожки аккуратно расчищены. И еще...

Я поняла, что здесь действительно можно не тратить силы на маскировку – никому ни до кого нет дела, здесь даже в лицо друг другу пациенты не смотрят – все примерно одинаково выглядят в повязках. И это было хорошо, но я все-таки решила пока не снимать парик.

После осмотра и перевязки мне стало немного легче, потому-то мы в Аришей и совершили небольшую экскурсию по корпусам, где мне предстояло лечиться и восстанавливаться.

– А здесь прямо рай, – заметила моя агент, когда мы присели в укромном уголке зимнего сада с кофе и булочками, взятыми в кафетерии. – Хорошее место, даже не знаю, есть ли в Москве что-то подобное.

– Если забыть о том, что здесь еще и операции проводят, то вообще прекрасно...

– Регинка... ну что поделать... зато подлатают лицо твое, будет лучше прежнего.

– Куда уж лучше, – скривилась я, и тут же боль в правой половине лица напомнила мне о причине, по которой я все-таки здесь. – Ох, черт... никак не привыкну, что надо с мимикой поаккуратнее...

– Хорошо еще, что глаз цел, – заметила Ариша, откусывая от булки. – Господи... как же вкусно...

– У тебя билет-то куплен?

Ариша, зажмурившись, кивнула.

– Куплен. Я отсюда в гостиницу, там переночую, а утром в Москву. Хотя, положила руку на сердце, я бы тоже не против тут на месяцок остаться...

– Ну, налетит какой-нибудь дурак, кислотой плеснет – отдохнешь.

Ариша открыла глаза, выпрямилась и вдруг спросила:

– Так это все-таки был мужчина?

– С чего ты взяла?

– Ты сейчас сказала: «налетит какой-нибудь дурак»... это ведь о мужчине, да?

– Говорила ведь – не поняла я, кто это был... там во дворе темень такая, кто угодно это мог быть, и женщина тоже, – огрызнулась я, удивленная, однако, тем, как Ариша вцепилась в мою фразу. Не обиделась на сравнение, не послала меня с такими прогнозами к черту, а сделала акцент на слове «дурак».

– Но ты же не можешь совсем никого не подозревать, Регинка, – не отставала она. – Ведь ты на кого-то думаешь, разве нет?

– А если я на тебя думаю? – резко развернувшись к ней всем телом, прошипела я, и Ариша отшатнулась.

– С ума сошла?!

– А что? Чем плох вариант? Прикарманишь, пока хватятся, все мои сбережения – доступ у тебя есть, дом быстро переформишь, наверняка дядюшка поможет. – Я наблюдала за тем, как меняется выражение лица Ариши, как наполняются ужасом глаза, из которых вот-вот хлынут слезы, и получала от этого странное удовольствие. Но все хорошо в меру – не хватало еще, чтобы она сейчас разрыдалась здесь. – Ладно, я пошутила, успокойся. Знаю ведь, что ты совершенно не меркантильна.

Ариша встала, молча забрала со столика пустые кофейные чашки и понесла их в кафетерий, хотя здесь этого не требовалось.

Н-да, похоже, я перегнула... Но меня иной раз так бесило ее коровье выражение лица, ее поведение как у липкой осенней мухи, что невольно хотелось вот так над ней издеваться, чтобы увидеть какие-то настоящие эмоции, то, что Ариша испытывает на самом деле.

Бывали моменты, когда мне начинало казаться, что эта чересчур простая девица вовсе не так проста, как пытается мне внушить. Даже не знаю, с чем это было связано – просто ощущение, и все.

Я отлично понимала, что Ариша тянет на себе мою карьеру – ту ее часть, что связана с интервью, регулярными появлениями на различных мероприятиях, рекламой, продвижением, дополнительными заработками, и, не будь Ариши, у меня самой не получилось бы и сотой доли всего, что есть сейчас. Кроме того, она совершенно добровольно и без дополнительной оплаты взвалила на себя и бытовую сторону жизни. Я забыла, что такое химчистки, магазины, покупка продуктов, оплата счетов – всем этим тоже занималась вездесущая и, кажется, никогда не спящая Ариша.

Она вернулась от кафетерия с тем же обиженным выражением лица, забилась в угол дивана подальше от меня и посмотрела на часы.

– Так и поедешь обиженная?

– Ты, Регинка, хороший человек... но всегда обижаешь тех, кто старается сделать твою жизнь хоть немного легче... я привыкла, но... иногда... знаешь, мне тоже бывает обидно, когда ты оттачиваешь на мне свое умение язвить и говорить колкости.

И вот тут мне стало стыдно окончательно. Привыкнув с чего-то считать Аришу не особенно умной, я позволяла себе снисходительный тон в разговорах с ней, говорила все, что вздумается, не заботясь о том, как она это воспримет. А кто внушил мне, что, заплатив деньги, я могу относиться к нанятому человеку так, как мне заблагорассудится? Все верно – мать.

Я переместилась ближе к Арише, обняла ее и, уперевшись подбородком в ее плечо, проборотала:

– Прости меня, пожалуйста... я знаю, что невыносима в последнее время... конечно, ты везешь на себе мою карьеру... никто, кроме тебя, не смог проработать со мной так долго... ты прекрасный человек, Ариша, я без тебя пропала бы...

– Ты только не плачь, а то слезами разъест рану, опять будет больно, – всполошилась тут же Ариша, услышав в моем голосе покаянные нотки. – Я же все понимаю...

Мы так и просидели, обнявшись, до того времени, как Арише было предписано покинуть клинику.

Я хотела выйти и проводить ее до шлагбаума, но Ариша категорически отказалась.

– Ты что! Там холодно, это не Москва же тебе... я прекрасно найду дорогу и сама. И потом... ну, ненавижу эти прощания, каждый раз как будто насовсем... не надо, Регинка, останься здесь. А я тебе позвоню из гостиницы, хорошо?

– Хорошо, – согласилась я неохотно – мне хотелось прогуляться, а отсюда, как я поняла, без разрешения особо-то и не выйдешь. – Только позвони, я волноваться буду.

– Ой, надо бежать, таксист звонит, – встрепелась Ариша, застегивая пуховик и нама-тывая длинный шарф так, что видны остались только глаза.

Она еще раз обняла меня и помчалась к выходу, а я подошла к большому панорамному окну, из которого открывался вид на расчищенную дорожку от корпуса к пропускному пункту.

Ариша смешно семенила, удаляясь в глубь аллеи, и мне почему-то стало грустно и больно на душе, как будто она уходила из моей жизни.

– А я вас потеряла, – сообщила мне медсестра, едва я вышла из лифта на этаже, где располагалась моя палата. – Вы в следующий раз предупреждайте нас, пожалуйста, если решите из корпуса уйти, хорошо?

– Извините, я думала, что до завтра у меня нет никаких процедур.

– Уже есть. Дежурный врач просил все анализы у вас взять по экстренной, завтра вас в операционную возьмут, если ничего не помешает.

– В операционную?! Уже завтра?! – почему-то испугалась я, и девушка поспешила успокоить:

– Это еще не операция, это будет обработка раны – почистят, края освежат, то-се... подготовительный этап.

– А-а... а то я испугалась уже... как-то слишком быстро, я подготовиться морально не успела.

– Нет, у нас так не делают. Сперва тщательно готовим, все анализы собираем, психологические тесты – а уж потом серьезные вмешательства. У вас просто рана несвежая, хирурги боятся заражения, – объяснила медсестра. – А теперь пройдем в манипуляционную, я кровь возьму.

Меня очень удивило, как тут все устроено – совсем иначе, чем в тех больницах, где мне доводилось бывать раньше.

Медсестра взяла кровь, другая тут же забрала пробирки и ушла с ними, как объяснила, в лабораторию. Потом дежурившая на посту медсестра Женя отвела меня в кабинет ЭКГ и проводила назад в палату, предупредив, что мне стоило бы поесть, потому что с утра будет уже нельзя.

– Если хотите, я принесу вам что-нибудь, у нас всегда остается дежурное блюдо, – предложила Женя.

Есть мне совершенно не хотелось, зато волновало отсутствие звонка от Ариши – она должна была уже вернуться в гостиницу.

– Тогда отдыхайте, я рано утром зайду. Если что-то нужно, кнопка вызова на пульте у кровати.

Она выпорхнула из палаты, закрыв за собой дверь.

Я же забралась на кровать с ногами, вынула из кармана телефон, но звонков от Ариши так и не было.

Меня охватило беспокойство – не случилось ли с моей незаменимой помощницей чего-то непредвиденного. Я вдруг подумала, что остаться без Ариши очень страшно, я ведь так много ей доверила.

Телефон зазвонил ровно в ту секунду, когда я уже сама собралась набрать номер Ариши.

– Ты что так долго? – тут же накинута я.

– Прогулялась немного – когда еще настоящий снег увижу? Тут такая красота кругом, как в сказке – елки наряженные, гирлянды кругом, витрины в огнях – Европа, не меньше.

– А ты думала, что тут волки и медведи?

– Ты ведь знаешь, я никогда не бывала в таких местах.

Чистая правда – Ариша никогда не выезжала за пределы Московской области, самое дальнее – Санкт-Петербург, и то этот город делал Аришу вечно ноющей размазней. Казалось, что стены домов и питерское небо давили на нее, вызывая депрессию.

Если я снималась в сериале, и на натурные съемки приходилось куда-то ехать, Ариша непременно оставалась дома и оттуда следила за процессом.

Откуда в ней такая нелюбовь к провинции, граничащая с аллергией, я представления не имела, да и не интересовалась.

– Ну и как тебе? Не страшнее, чем в пределах ТТК?

– Не язви, Регинка... очень красивый город. Жалко, что с тобой не успели погулять.

– Так я вроде не умираю, – усмехнулась я. – Заживет лицо после операции, ты прилетишь – и погуляем.

– Ты устроилась, все хорошо?

– Да. Уже успела анализы сдать – завтра в операционную возьмут, какая-то обработка раны. Но я так поняла, что до настоящей операции еще далеко.

– Что поделаешь... придется потерпеть, Регинка, выбора-то нет.

Знала бы Ариша, как права в этом безнадежном «нет выбора»...

Аделина

Ничто так не разрушает тихий семейный вечер, как объявившаяся в дверях подруга, с которой не общаешься примерно с полгода.

Во всяком случае, у меня всегда происходит именно так – в самый неподходящий момент раздается звонок в дверь, и на пороге стоит Оксанка Владыкина.

Сегодняшний вечер исключением не стал, и у меня внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

Владыкина могла забыть обиду и появиться первой только в двух случаях – если ей нужна была моя помощь как врача или если назрела очередная любовная драма. И то и другое всегда бывало утомительно, долго и бестолково, и я даже не всегда могла решить, какая из причин хуже.

От Оксанки пахло морозом и сладкими духами – она всегда выбирала максимально приторные запахи, считая, что такой шлейф непременно заставляет мужчин оборачиваться и замечать женщину, его оставившую.

– Привет, супруги! – радостно объявила она, расстегивая шубу. – Мимо ехала – дай-ка, думаю, заскочу, сто лет не виделись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.